

Дети
ОТ НЕГО

18+

ЮЛИЯ ГАУФ

Юлия Гауф

Беги от него

«Автор»

2023

Гауф Ю.

Беги от него / Ю. Гауф — «Автор», 2023

— Дочь, меня нет в городе. Поживешь пока у моего приятеля. Только умоляю, веди себя прилично, – взмолился отец. — Не хочу краснеть за тебя. Я фыркнула. Какой смысл вести себя неприлично перед каким-то стариканом-солдафоном?! Вот только дверь мне открыл не старик, а молодой, высоченный, русоволосый мужчина в светлых джинсах и белой футболке. — Маша, правильно? Мне не дали комнату в общежитии. В поезде простыла, обворовали, да еще и отец умотал в столицу со своей любовницей. И мне пришлось жить под одной крышей с незнакомцем. Взрослый. Успешный. Чужой. Он скоро женится. И мне лучше бежать от него. Бежать, пока не поздно.

© Гауф Ю., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Юлия Гауф

Беги от него

Глава 1

У ног чемодан и сумка, в руках слабость. Как и в ногах.

Стою дура душой перед дверью в отцовскую квартиру, а мне никто не думает открывать.

– Пап, ты где? – я с пятого раза дозвонилась до отца, и готова была кричать, если бы горло так не болело. – Алло, пап, ты слышишь?

– Ну здравствуй, Мария. Неужели родная дочь решила позвонить после... напомни, сколько ты игнорировала свою семью? Или мне самому тебе напомнить?

Начинается!

– Я не игнорировала, я просто устала от постоянного контроля. Пап, ну ты где? Я у квартиры стою, а мне никто не открывает.

– И не откроет. В квартире капитальный ремонт, мы с Людой в столице, – холодно ответил папа.

Я поморщилась, услышав имя любовницы отца. Вроде и не сделала она мне ничего плохого, но как же фигово было – я спокойно жила с папой и мамой, а на следующий день после совершеннолетия меня огорошили: у папы любовница, у мамы любовник, нашей семье конец. Выбери, Маша, с кем останешься?

Я выбрала побег в другой город, устав от их контроля и игры «Перетяни Машу на свою сторону».

Теперь снова пришлось бежать. Но, как оказалось, сбежала я в пустоту, и жить мне придется на вокзале или под мостом.

– В столице? Понятно, – убито сказала я, и чихнула.

– Так, стоп, ты приехала? Зачем?

– В универ местный перевелась, в общежитии мест нет, мне жить негде.

– И предупредить ты не могла, как и обычно, – прогрохотал отец. – Почему чихаешь? Что с голосом?

– Заболела. А еще, – я собралась с духом, и выпалила: —еще меня ограбили. Как в дурном анекдоте, пап – я все деньги и карту везла в кошельке, в поезде. Сумка на полке лежала, а ночью люди высаживались. Вот и вытащили, наверное. Хорошо хоть телефон под подушкой был и уцелел. Я даже комнату не могу снять, и на проезд нет, последнюю мелочь из кармана выгребла.

Я готова заплакать от безысходности. В моей жизни всегда так – если уж случается задница, то глобальная и некрасивая, как сейчас. Вроде и выделили мне комнату в общежитии, но заехали иностранцы, и комнату мою отдали им. В поезде какой-то дрянью вроде ОРВИ заразили, ограбили, да еще и отец умотал в столицу со своей раскрасавицей.

Супер. Все как обычно. Маша, ты везунчик.

– Сильно плохо? – встревожился папа.

– Да, – прохрипела.

Врать не хочется, я и правда разваливаюсь. Чертова простуда!

– Стой и жди звонка. Пять минут. Телефон оставь в покое, чтобы батарею не разряжать, – скомандовал отец, и отключился.

Ох, как же жалко саму себя. Приперлась, блин, и домой попасть не могу.

Строго говоря, дом не мой – жило наше семейство в военном городке до самого моего совершеннолетия. Потом семья развалилась, папа получил новое звание, и его вызвали в Екатеринбург. Мама в Кемерово уехала со своим красавчиком, а я сбежала в Тюмень.

Раскидало всех, а ведь дружно жили. Или мне только казалось, что дружно.

– Да, пап, – ответила на его звонок.

– Я договорился. Вызываю тебе такси, смс должна прийти с номером машины. Поживешь пока у моего приятеля. Квартира сорок один, запомни. Только умоляю, веди себя прилично, – взмолился отец. – Не хочу краснеть за тебя.

Я фыркнула. Какой смысл вести себя неприлично перед каким-то стариканом-солдафоном?!

– Как его зовут-то?

– Антон... – в трубке раздался треск, бульк, а затем звонок сорвался.

Телефон просигналил о подъезжающей машине, я вздохнула, подняла чемодан, спортивную сумку, и начала спускаться.

Жуть, как не хочется жить с посторонним мужиком. Папе полтинник, приятелю его, наверное, тоже. Думаю, он тоже военный, а они все невыносимы, и просто не могут не строить всех вокруг. Я села в машину, распаляя саму себя. Спасибо, конечно, что готов приютить, но командовать собой этому вояке я не позволю!

Хотела набрать отца, но заряд сказал мне: «Пока-пока!»

Очаровательно, я так и не узнаю отчество мужика. Я хоть и бываю хамкой, но к пятидесятилетним по имени-отчеству обращаюсь, даже если эти пятидесятилетние мне несимпатичны.

Антон, значит.

Вышла из машины, покачиваясь от болезни. Потащила чемоданы к подъезду, и покосилась на лавочку – я так устала, прилечь хочется. И Антон этот мог бы и встретить, что за тип вообще?!

Остановилась у сорок первой квартиры, и нажала на звонок.

Дверь снова не открыли, я позвонила еще раз. И еще. Сейчас заплачу!

Или лягу тут, у порога, и пусть всем будет стыдно!

Зло и из последних сил пнула дверь, и, о чудо, мне открыли. Вернее, открыл.

Молодой, высоченный, русоволосый мужик в светлых джинсах и белой футболке.

– Маша, правильно?

Я кивнула, сделала шаг навстречу. Мужчина тоже шагнул, чуть склонившись, чтобы забрать мой чемодан.

– Ой, – поморщилась я, когда мы столкнулись, и чуть не упала, но Антон подхватил.

Интересные у папы друзья.

– Эффектное появление, – усмехнулся он, и как котенка втащил меня в квартиру.

Стою перед мужчиной, и отчего-то стыдно.

Я уверена была, что увижу типичного отцовского приятеля: крепкого боровичка с седой и залысинами, очередного полковника или подполковника.

А тут молодой мужик. Постарше меня лет на десять, симпатичный. Даже красивый. Высокий – жуть просто, я ему носом в грудь упираюсь, а ведь я и сама не Дюймовочка. Метр семьдесят, как-никак.

– А сколько вам лет? – спросила я, и внутренне поморщилась от досады.

Вот дура, ну и вопрос!

– Антон Булатов, тридцать два года. Почти без вредных привычек, из домашних животных только собака-хаски по кличке Булка, и младший брат, – отпраповал мужчина, и начал стягивать с меня пальто.

Кажется, надо мной тонко издеваются!

– Младший брат входит в категорию домашних животных? – фыркнула я.

– Пытаюсь одомашнить. Выходит с переменным успехом, – поморщился мужчина.

Подтолкнул меня за спину, чтобы я отошла от шкафа.

Вот черт, почему папа не предупредил-то? Я бы хоть в такси постаралась себя в порядок привести. А то выгляжу – атас. Вспотевшая от болезни, макияжа никакого, нездоровый румянец на щеках, губы, наоборот, белые. И лохматая вдобавок ко всему.

Страшилище.

И не то, чтобы я влюбилась вот прямо на этом самом месте, но перед красавчиками я и сама предпочитаю выглядеть красоткой, а не замарашкой.

Тьфу, ну папуля!

– Вы сказали, что почти без вредных привычек. Не поделитесь дурными пристрастиями, раз уж нам вместе жить? – с усмешкой спросила я, скрывая смущение.

Терпеть не могу смущаться.

– Не поделюсь, таким с маленькими девочками не делятся, – едко ответил он. – У любого мужика к тридцати набираются привычки, от которых не избавиться.

– Я не маленькая! Мне двадцать! – искренне возмутилась я.

А этот... этот солдафон рассмеялся.

– Простите, взрослая женщина, – передразнил он.

Я снова ступевалась, даже болезнь на второй план отступила. Не люблю выглядеть дурочкой. Ну почему нельзя переиграть наше знакомство? А все папа виноват!

Вот знала бы, что мне не цепной пес на страже Родины откроет, а вот этот персонаж, я бы привела себя в порядок. Вошла бы к нему царицей, познакомилась по-нормальному, мило улыбалась бы. Как равная равному.

– Идем, покажу, что у меня и как, – кивнул Антон.

И я чуть не сморозила глупость в ответ. Вот прямо подмывает сказать что-то вроде: «Что там и как у тридцатидвухлетних мужиков меня не интересует».

Хорошо, что смолчала.

– Вот кухня, продукты бери любые. В основном я заказываю доставку, контейнеры в холодильнике. Расписания завтрака-обеда-ужина нет. Идем дальше, – поманил он, и мы вышли из огромной, светлой кухни. – Здесь комната моего брата, к нему лучше не лезь – типичный дурной подросток, только тачки и телки на уме. Здесь будет твоя комната, – мужчина открыл дверь.

Я осмотрелась.

Видно, что живет небедно, все дорогое, но цвета не хватает. Яркости. Обычно здесь как-то. Кровать, шкаф, тумбочка, кресло, стул и зеркало. Почти казарма. И ни одного яркого пледа, ни одной милой подушечки с пайетками. Вот папа такой же: есть кровать – и ладно. Хотя, зная папу, он бы и на полу мог спать, мебель купил только из-за семьи.

– Правило только одно – тусовки у меня не устраивать.

– Хорошо. Я ненадолго. Понимаете, в общежитие не получилось заселиться. Еще и в поезде ограбили, денег нет, карт нет. Простыла вдобавок ко всему, – смущаясь поделилась я своими бедами, хотя неудачницей выглядеть не люблю. – Мне немного лучше станет, и я сниму комнату.

Мужчина не стал бросаться словами о том, что я могу жить у него сколько моей душе угодно.

– Я обычно не такая невезучая, – добавила я, когда мы вернулись на кухню.

Он усадил меня за стол, и поставил чайник греться.

– Такая, Маша. Я тебя семилетней помню, у вас дома я часто бывал, когда служил. Вечно то котенка притащишь уличного, а у него лишай. То к собаке полезешь, и потом уколы от столбняка терпеть приходилось. Коленки вечно разодраны были, – усмехнулся Антон.

– Вы меня помните?

– Как забыть девочку, которая забиралась ко мне на колени, и жаловалась на мальчишек, которые на качелях мешают качаться. Я тебя рогатку учил делать, – рассмеялся мужчина.

И взглянул на меня, как на ребенка. И этот взгляд мне не нравится. Я привыкла, что мужчины во мне красивую девушку видят, а не мелочь.

Тут же захотелось, чтобы и этот конкретный мужчина взглянул на меня как на девушку.

Ужас, он меня совсем мелкой помнит, почему я-то его не помню?!

Глава 2

АНТОН

Разглядываю сидящую передо мной девчонку.

Смешная такая. Нахохлилась, как воробушек. То глазами в меня стреляет, то смущается. Маша.

С ее отцом я познакомился в армии. Мой отец, пока был жив, дружил с ее отцом. И, разумеется, я бы вхож в их дом. Протекция, без этого никуда.

Кто-то зубными щетками коридоры чистил, или сугробы лопатой ровнял, а я катал Ивана Денисовича Баля. Так и сдружились.

И Машку я помню – живую, беспшашную девчонку, которая любому пацану готова была настучать. Коленки вечно разбитые, в волосах колючки от репейника. Ее мать вечно вздыхала над очередным порванным сарафаном, а потом сдалась, решив, что леди из дочери не сделать.

И вот, эта «леди» сидит передо мной.

– Что? – нахохлилась она, поймав мой взгляд.

Я только хмыкнул.

Выросла. Красивая девчонка, даже очень. Но, по сути, ребенок еще. Сколько ей? Двадцать? Вроде да. Не сильно старше моего брата.

– Пей чай, мелочь.

– Я не мелочь! – вздернула она подбородок.

– Прости, конечно, ты взрослая женщина, – серьезно произнес я, посмеиваясь про себя.

И Маша приняла это за чистую монету.

Точно, ребенок.

Папина и мамина дочка. Помню, как над ней отец трясся. Вот и сегодня набрал меня, голос взволнованный. Оказывается, кровиночка разругалась с семьей, свинтила в другой город, а сейчас явилась к отцу под крылышко.

А отец в Москве, очередное повышение встречает.

– Ну и как ты докатилась до жизни такой? Рассказывай, – кивнул ей.

Маша отпила чай, стрельнула в меня глазами, словно решая – говорить, или нет.

Расскажет, никуда не денется. Юные девчонки любят поболтать о своих горестях. И точно, Маша вздохнула, поставила чашку на стол, и выдала:

– Я же отдельно жить решила, вот, в Тюмень подалась. Но пришлось уехать, я переехала, сейчас онлайн можно это сделать. Мне комнату в общежитии обещали, но какие-то иностранцы заехали. Вроде, китайские студенты, и прокатали меня с общежитием. К папе поехала, а там ремонт, да и папы с его мадам нет. И денег нет, украли в поезде. Вот так я и докатилась... до тебя, – вдруг усмехнулась девушка.

Хм, слезоразлива не будет? Я даже почти настроился, но Маша удивила.

Хотя, чего это я? Помню прекрасно, какая она боевая была. Иногда капризничала, конечно, жаловалась, но ей быстро надоедало. Видимо, ничего не изменилось.

– Почему из Тюмени пришлось уехать? Ты же хотела самостоятельной жизни, разве нет?

Спросил. Хотя зачем? Сам не знаю.

С Иваном Денисовичем коротко поговорили об этом, но и того, что он мне сказал, достаточно было, чтобы вывод сделать. Разругалась семья, Маша собрала чемодан, и сбежала.

Очень «взрослый» поступок!

– Не сложилось, – коротко ответила она, нахмурившись.

Влез не в свое дело? Похоже на то. Вон как нахмурилась. Но грозное впечатление испортил ее чих.

– А ты неплохо живешь, – заметила она, показательно оглядев кухню. – Служишь до сих пор?

– Нет, конечно. Армия, контракт, а затем бизнес, – пожал плечами. – Потому и живу хорошо.

– А что за бизнес?

– А не слишком ли ты любопытна?

– Ну ты же задавал мне вопросы, – резонно заметила девушка. – Я всего лишь отвечаю тем же. Или что? Незаконные делишки?

В глазах Маши появился опасный блеск, и я покачал головой.

Вот бедовая. И забавная.

Красивая, несмотря на болезнь. И очень живая.

Когда я соглашался приютить Машу, почему-то, как полный идиот, ожидал что в квартиру войдет не взрослая, бойкая девушка. А та семилетняя девчушка с коленками в зеленке и исцарапанными кошачьими ногтями руками.

А она вот какая явилась.

Волосы длинные, блестят. Глазами огромными на меня смотрит хитро и любопытно. Сидит такая вся... хмм, вот встретил бы я такую, точно бы мимо не прошел. Фигура как я люблю – не тощая, стройная. Девушка-гитара.

Хоть бы на нервах мне не играла. Выноса мозга мне от брата хватает.

– Торговля – вот мой бизнес.

– Семечками? – хихикнула девушка, и я сам улыбнулся детской шутке.

– Оружием.

– Лучше бы семечками, – сморщила она нос. – Надоела вся эта военная тема, с детства накушалась. Тот же камуфляж видеть не могу.

– Ну прости, – развел руками, не сдерживая улыбку, – от бизнеса не откажусь. И как-нибудь переживу то, что ты его не одобряешь. Нам детей вместе не растить, к слову.

– Кто знает, кто знает, – хитро усмехнулась Маша.

Сгладить ситуацию постаралась?

Похвально.

Черт, ну почему она выросла-то? Все же, не реагировать на красивую девушку я не могу. К ногам ее, конечно, тоже не упал, сраженный красотой. Уже не мальчик давно. Но все же, надеюсь, что в коротких шортах Маша крутиться передо мной не будет.

Как-то совесть долбит оттого, что девушку разглядел в дочери друга.

Лучше бы она оставалась все той же малышкой, которую я запомнил.

МАША

– Не забывайте про обильное питье. Помещение нужно проветривать дважды в сутки, но избегать сквозняков. Лекарства принимать по списку. Пара дней постельного режима, и снова будешь летать стрекозой. Или скакать козой.

Врач – благообразный, бодрый старичок легонько нажал мне на кончик носа, и встал с кровати.

А я наткнулась на насмешливый взгляд Антона, и покраснела.

Снова со мной как с маленькой. Я была не против такого обращения, когда дома жила, с родителями. Доводила папу, потом на колени к нему забиралась, как в детстве, и он прощал.

А сейчас вдруг смутилась.

Коза-стрекоза, блин!

– Я прослежу, – спокойно кивнул Антон, и меня оставили одну.

Болезнь протекала, как обычно у меня бывает – в спячке. Просыпалась я на минут двадцать, и снова отключалась. То тряслась от холода, то сдергивала с себя одеяло, сходя с ума от жары.

И иногда чувствовала божественно прохладную, сильную ладонь на лбу. Примерещилось, наверное.

Так продлилось два дня. У меня всегда так. В первый день – начало болезни, потом два дня крошечного ада с температурой, кашлем и лихорадкой, а затем резкое улучшение самочувствия. И вот, на третий я открыла глаза с твердым намерением прекратить болеть. Надоело жутко.

– Привет, мелкая. Ну как ты? Жить будешь?

– Мелкая – не знаю, а Маша – нормально. Хватит меня мелочью называть, – хрипло ответила я, и взглянула на дверь, у которой стоял хозяин дома.

Свеж, отвратительно бодр и разгорячен. И снова смотрит с насмешкой, которую даже не пытается скрыть.

А над больными грешно смеяться, к слову!

– Как скажешь. Буду называть Марией Ивановной, – серьезно пообещал мужчина.

Я чуть не подавилась кашлем.

Ну какая из меня Мария Ивановна?!

– Хорошо. А я буду называть тебя Антошей, – мило улыбнулась ему, и свесила ноги с кровати.

– Наболелась?

– Да. Пора восставать из мертвых. Душ свободен? – спросила, и мужчина кивнул, а затем вышел из комнаты, поняв, что мне нужно переодеться.

В шкафу развешаны мои вещи, разложены на полки. И я точно знаю, что не я чемодан разбирала. В жизни так ровно не раскладывала шмотки, терпения не хватало на это. А тут прям красота, хоть фотографировать на память, или в инстаграм выставлять – мечта перфекциониста, а не гардероб.

Неужели Антон такой хозяйственный?

Открыла комод, и покраснела. Белье тоже разложено. Хмм.

Раньше я бы не постеснялась устроить скандал по этому поводу. Разозлилась бы не на шутку, если бы какой угодно мужчина кроме папы влез бы в личное. Даже генералу бы высказала за то, что в моем белье рылся.

А Антону не могу. Хотя все равно бесит.

А еще, уж не он ли меня переодевал? Я помню, что мы сидели на кухне, и о чем-то разговаривали. И это последнее, что я помню. Дальше – провал.

Белье, переодевание... Уж не извращенец ли он?!

– Было бы весело, – хмыкнула я, и пошла в душ, которым наслаждалась целый час, смывая с себя болезнь.

Пока мылась, придумала десять вариантов подколов на тему больной девушки в беде, ее белья, и взрослого мужика, который любит в этом белье порываться. Выбрала из придуманного наиболее мягкую версию шутки, чтобы не обидеть, и вышла из душа, посмеиваясь.

А на кухне меня уже ждали. И Антон был не один. За столом, уткнувшись в телефон, сидел темноволосый симпатичный парень, разукрашенный синяками и татуировками.

Худощавый, высокий. Очень на Антона похож.

Этот «похожий» зыркнул на меня, как уголовник, и выплюнул:

– Брат, твоя телка вышла. Мне кухню освободить, чтобы вы могли на столе поразвлечься?

Антон достал из микроволновки контейнер, мельком оглядел меня, возмущенную до предела, и спокойно сказал:

– Рот закрой.

– Мне запрещаешь телок водить, а сам... – говнюк не договорил, сузил глаза, и снова повернулся ко мне.

Оглядел нарочито-раздевающим взглядом. Вот только я не девочка-цветочек, и краснеть не собираюсь.

– Мальчик, Антон ведь хозяин дома, – мило улыбнулась я ему, и направилась к Антону, наблюдающему за мной. – Ему можно, тебе – нет. Вот подрастешь, и будешь водить в свой дом телок. Если эти самые телки захотят, в чем я сомневаюсь, – я сочувственно вздохнула, приобняла Антона, и спросила: – Что, не дают?

Антон засмеялся, а его злобный брат прошипел какое-то ругательство, встал со стула, и через несколько секунд я услышала, как хлопнула дверь.

– Прости, – отсмеявшись он взглянул на меня, – это мой младшенький – Андрей. Придурка носило непонятно где три дня, явился только что сама видела в каком состоянии. Я даже объяснить ему ничего не успел про тебя. Поговорю с ним, и Андрюха извинится, – в голосе Андрея прозвучало сомнение.

– Да плевать мне на извинения, – отмахнулась я, и достала чашку. – Братец от рук отбился?

Антон нахмурился, неопределенно кивнул, и ответил, наконец:

– Потом расскажу, если интересно. Сейчас какие планы?

– А что ты предлагаешь? – мурлыкнула я, снова вспомнив чертово белье.

– Предлагаю отвезти тебя в университет. Раз уж ты так бодрa, не пора ли на учебу? – Антон приподнял бровь.

Я закатила глаза.

Хотела ему намекнуть на прогулку, чтобы город мне показал, а он мне – иди и учись. Мужчины!

АНТОН

– Спасибо еще раз. Антон, вышли мне номер карты, я отправлю деньги на содержание Маши, – попросил Иван Денисович.

– Деньги не нужны, бросьте, – отмахнулся я.

– Нужны, – грохнул он. – Маше на всякие мелочи, на проезд. Она – гордая девочка, как из дома сбежала, работать устроилась, от меня деньги не принимала. Но ее обокрали ведь. Сейчас примет помощь. Мне нужно с ней отношения наладить, расклеилось у нас.

– Я буду давать ей деньги. Сами же знаете, не нуждаюсь, – терпеливо объяснил я, прижав смартфон к уху.

Вроде бы и правильно было бы, переведи Иван Денисович деньги на свою дочь, но... нет. Сам дам сколько надо.

– И... у меня еще просьба. Знаю, что договаривались на пару дней, пока Маша подлечится, но можешь дочку у себя оставить, пока я не вернусь? Не хочу, чтобы она снимала квартиру или комнату непонятно с кем. Ты ее пока у себя удержи, а я как вернусь, домой заберу. Хватит с дочки самостоятельной жизни, поигралась и будет.

Значит, не для меня одного Маша – маленькая девочка?

Я улыбнулся, а затем с усилием стер улыбку с лица. Уверен был, что девушка выздоровеет, съедет, и видеться мы будем на Днях Рождения ее отца. Так было бы спокойнее, очень уж девчонка сумасбродная. Даже в домашней атмосфере, даже в болезни это видно – ее хитрый блеск в глазах.

А мне этого всего не нужно.

Но почему-то я рад, что Маша останется, оттого и тянет улыбнуться.

– Задержу. Сколько вы будете в Москве?

– Не меньше месяца, – хмуро ответил Иван Денисович. – Очередное звание, как я думал, но меня снова хотят перевести. Только теперь в столицу. Отказывать нельзя, но и Машу сюда не затащить. Время мне нужно.

– Я дам вам его.

– Береги ее. Машка моя хоть и шепутная, но очень хрупкая, уязвимая. Тяжело ей пришлось, – странно вздохнул Иван Денисович, и я насторожился. Но любопытство было бы лишним. – Пусть хоть позвонит мне.

– Я передам. Сейчас она собирается, в университет ее отвезу, – отлепился от стены, у которой уже минут тридцать жду, пока Маша оденется.

Вот как можно так долго собираться?! Нет, понятно, когда взрослые женщины перед важными событиями марафет наводят, наряды выбирают. Но молодой девчонке это зачем? Тем более, в универ. Джинсы, свитер, ботинки. Волосы в косу, и погнали.

Смутное недовольство и раздражение закрались. Сейчас выйдет раскрашенная как индеец, выряженная в мини, с голыми ногами – как принято сейчас у молодых девчонок. И высказать ей за это я не смогу, права нет.

Но я ошибся. Маша появилась в коридоре. Одета – да, в платье. В шерстяное, длинное, цвета кофе с молоком. На талии тонкий пояс. На лице нет боевого раскраса – тушь и блеск для губ.

Вишневый.

Черт, только мыслей о губах девчонки мне не хватало!

– Ты долго. Чем занималась? – рыкнул, разозлившись сам на себя, и достал ее пальто.

– Собиралась, – спокойно ответила Маша, и хитро стрельнула в меня глазами: – А еще очень долго восхищалась тем, как ты красиво разложил мое нижнее белье. Понравились комплектки?

Вот зараза мелкая.

И взбесила, и развеселила.

Не говорить же ей, что к нам с братом приходит Анна Валентиновна – бодрая старушка, которая рада прибавке к пенсии. Она убирается, я – щедро плачу ей за это, гораздо больше, чем берут в клининговых службах. И именно она и привела гардероб Маши в порядок.

Но признаваться в этом? Нет уж! Хочет шутить на такую тему – пожалуйста.

– Очень понравились, Маш, – усмехнулся я, глядя на ее порозовевшие щеки.

Ага, думала меня смутить? Взрослого мужика?

– Могу на память подарить, раз так понравились.

– А сама в чем ходить будешь? – подмигнул ей, и накинул на себя пальто.

Маша покраснела еще больше.

– Сама? Без белья обойдусь. Ты же не против? – голос ее дрогнул.

Я и сам вздрогнул. Это всего лишь глупые шутки, но стоит представить, что эта девушка будет ходить в моем доме, мимо меня, совсем рядом, а под одеждой – ничего... чер-р-р-рт!

– Ходи, Маша. Мой младший брат обрадуется, поверь. Ему только восемнадцать стукнуло, хороший подарок ему сделаешь.

Девчонка сдалась.

Прикусила губу, и глаза опустила. Не для нее все эти разговоры о том, что ниже пояса. Не доросла пока.

Вот и хорошо, вот и правильно.

– Ладно, поехали, Маш. И заканчивай со своими «приколами», – использовал слово, которое терпеть не могу. – Я же не твой пацан-однорук, меня не пронять. Сама в проигрыше будешь.

Думал, это приведет девушку в чувство. Я привык к обалдую-брату, у которого гормоны бушуют. Что у него, что у Маши, что у всех остальных повзрослевших детей одна цель

в жизни – показать, что они уже взрослые, и настоящих взрослых довести до ручки. И если от других это терпеть легко и даже забавно, то от Маши – нет.

Силком заставил себя прекратить мысленно раздевать эту девчонку, и завел машину.

А затем поймал взгляд Маши, в котором прочитал откровенный вызов.

И вызов этот был мне.

– Хорошо, больше никаких приколов. Обещаю, – мило улыбнулась она, и отвернулась к окну.

Антон высадил меня на парковке, даже дверь передо мной открыл.

Лестно. Взрослый, красивый, и я рядом с ним.

Странно, я ведь на мужчин старше двадцати пяти никогда не смотрела. Даже на красавчиков. Девчонки млели от всяких певцов, актеров, а для меня все они как динозавры. Знакомилась со взрослыми парнями своих подруг, и морщилась – все разговоры про коллег, про работу, про то, кто и кого пытается подсидеть. Про зарплаты, которые в нашей стране фиговые.

Ну нафиг, скучно и невкусно.

Потому, какого бы красавчика я ни видела из взрослых, сразу стопорила себя. Разные поколения, разные увлечения. Ни к чему это. Сама когда-нибудь выйду на офисную работу, и стану такой, вот тогда и мужчины у меня будут постарше.

А сейчас – время веселиться, и забыть о том, что случилось со мной.

Но почему-то на Антона мне понравилось смотреть. Разговаривать с ним, шутить. Представлять кое-что запретное. Знаю, что ничего не будет – я ему не зашла, да и папу удар бы хватил, узнай он о чем я иногда думаю.

Но пошутить-то мне можно? Пофантазировать, пофлиртовать?

Можно! И отказывать себе я не стану.

– Ты чего, мелкая? – встревожился Антон, который решил проводить меня до входа в универ. – Погрустнела так. Снова плохо себя чувствуешь? Зря я тебя вытащил. Вчера еще валялась в бреду, не отошла еще. Разворачиваемся, и домой.

– Нет-нет, – покачала я головой, и заставила себя улыбнуться – не буду вспоминать о прошлом, о том, что заставило меня уносить ноги из Тюмени. – Я в норме, всегда так болею. Прелесть молодого организма. Три дня умираю, на четвертый, как там говорил тот боровичок? Летаю стрекозой и скачу козой. Так что поскакала я универ.

– Если будут проблемы – звони. И в обиду себя не давай, – нахмурился мужчина.

Не давай в обиду... будто я из робкого десятка. Да и универ – не школа, здесь мы все – взрослые. Никто не развлекается травлей на новеньких. Надеюсь.

Я в ответ улыбнулась, и вошла в здание. Студенческого у меня пока нет, зато справка есть, которую я и предъявила охраннику на входе.

Мне давали пароль для доступа на портал, где и расписание, и всякие методички, но записан он в мой блокнот, который лежит непонятно где. Потому я потопала к стенду с распечатанным расписанием, и начала искать свое.

Так, где тут у нас триста двенадцатая группа?

– Привет, красивая, – услышала я, а затем мне на плечо опустилась тяжесть.

Реальная тяжесть – чья-то наглая и тяжелая лапища.

– Привет и тебе, «нормальный, но не в моем вкусе», – передразнила я это его «красивая». – Руку-то убери. Я не на фитнес пришла, а на учебу.

– А я тебя на улице еще заметил, – оскалился парень, оказавшийся высоким, мускулистым блондином. – Я Женя. Ты из какой группы?

Я оглядела парня, и покачала головой. Ну и мутант. Непонятно, студент или препод. Хотя, препод бы не стал вести себя как придурок, как мне кажется.

– Триста двенадцать. Маша.

– Я из триста тринадцатой, у нас потоковая сейчас, в другом корпусе. Переход через второй этаж, идем, – этот жизнерадостный потащил меня на второй этаж так быстро, что я начала задыхаться – болезнь отступила, но пока не прошла. Потому этот быстрый подъем дался мне тяжело.

– Запоминай дорогу, у нас не универ, а лабиринт. Проектировали юмористы, руки бы им поотрывать. Ты новенькая? Посреди года-то чего перевелась?

– Переехать пришлось, – ответила я дружелюбно, хотя хотелось вырвать ладонь из его руки – слишком многое себе позволяет этот парень. И слишком много болтает.

Хотя, мои прежние однокурсники были такими же – шумными, наглыми, бесцеремонными и веселыми. Да и я сама такой была до определенного момента. И притворяться до сих пор не научилась.

Мне нужны друзья, нужно влиться, в потому улыбаемся, и машем.

Мы вошли в римскую аудиторию, набитую народом. Чуть душно, пахнет смесью женских и мужских парфюмов. Кто-то уткнулся в телефон, кто-то смеется в компании. С виду – нормальные ребята.

– Хэй, народ, у нас новенькая. Маша, – заорал Женя, и почти все взглянули на нас. Хотя некоторым было по барабану – как сидели в наушниках, так и продолжили. – Не повод ли это нам всем гульнуть?

– Тебе лишь бы повод найти, – звонко рассмеялась девушка с морковно-рыжими волосами, и не спеша приблизилась к нам. – Я Инга.

– Так давно же не отжигали. Завалимся в клубешник, встретим новенькую, как умеем. Так что вы?

Я стояла, и хлопала глазами, наблюдая за тем, как многие соглашаются.

Что за сумасшедший дом?

И лишь когда прозвенел звонок, и Инга потянула меня к третьей парте у окна, я поняла – им и правда лишь бы повод найти погулять и оторваться. Даже если я сама не явлюсь на вечеринку в честь меня, если заявлю об этом – ничего не изменится.

– Пойдешь сегодня с нами? – толкнула меня Инга. – Мы давно планировали собраться, у нас только пара ребят из семейных никуда не ходят, остальные любят погулять. Познакомимся со всеми, вольешься. Мы своих всегда и горячо встречаем, и горячо провожаем. Вон у нас двоих парней отчислили, а затем в армию забрили, мы так гудели, что потом чуть остальных не повыгоняли. Кстати, ребята у нас нормальные, хотя гаденыши тоже есть, но куда без них.

– Без гаденышей никуда, – рассмеялась я. – Пойду, конечно.

– Давай свой номер, добавлю тебя в наши чаты, – обрадовалась рыженькая. – Завтра нам к обеду, можно тусить всю ночь с чистой совестью.

Глава 3

Влилась и в учебу, и в новый коллектив я на удивление легко.

Все же, как бы я не тянула подбородок к небу, показывая, что мне все нипочем, я немного нервничала. Мало ли, какая группа бы мне досталась. Вдруг – отморозки. Или одни заучки. Или хамы, любящие злые розыгрыши.

А тут обычные ребята, в общем-то.

«Во сколько забрать, мелкая? Заеду за тобой» – прочитала я сообщение от Антона.

И улыбнулась.

Нет, я вовсе не влюбилась с первого взгляда, но заинтересовал, что уж тут. Лестно было бы заполнить внимание такого мужчины.

Правда, папа если что, закопает меня. Так что нужно забыть об этом. Даже не думать.

«Через час» – коротко ответила я.

До конца пары осталось двадцать минут, но я хочу прогуляться по универу, и запомнить все. Не будут же со мной нянчиться вечно, провожать до парты и объяснять, что и где. Самой нужно.

– Парень волнуется? – шепнула Инга.

Я неопределенно пожала плечами.

Парнем Антона язык не повернется назвать. Тем более, моим парнем. Парни держат своих девушек за руки, гуляют по скверам, по клубам, и говорят о чепухе.

Антон в этом качестве я представить не смогу, хотя на отсутствие фантазии не жаловалась никогда.

– Мы свободны, словно птицы в небесах, – заорал Женя, когда прозвенел звонок.

– Задание записали? Тогда да, свободны, – поддержал молоденький препод, и весь поток дружно поднялся со стульев.

Сегодня почти все пары были совместными с другими группами. Рука болит – много лекций записала, на планшете не люблю работать, привычнее ручкой по бумаге.

– Ты куда сейчас? Встречаемся в одиннадцать в «Вязове», – толкнула меня Инга, и в этот момент телефон завибрировал.

«Папа» – высветилось на дисплее.

Помню, вчера вроде разговаривали. Но не помню, о чем – температурила.

– Да, пап.

– Привет, зайка. Как учеба?

– Нудно, но полезно. Ты прямо минута в минуту позвонил.

– Время подгадал, – хмыкнул папа, и я подавила всплеск раздражения.

Ясно, что папа разузнал и мое расписание, и время, и вообще все. Снова проконтролировал, потому и набрал меня через тридцать секунд после звонка.

– Чего пыхтишь? Сердишься?

– Нет, – буркнула я. – Ты когда домой?

– Через месяц ориентировочно. Пока поживи у Антона, я договорился с ним, он не против.

– А если я против? – вздохнула. – Пап, я думала подработку найти..., а еще, ты же предлагал мне деньги все эти два года? Сейчас у меня ни гроша, но если ты предложишь мне материально помочь – я приму. Сниму комнату, работать буду, учиться, и...

– Нет, – отрезал отец. – Денег я тебе не дам. Поживешь у Антона, он будет выдавать тебе средства на проезд и обеды. А как я вернусь домой – переедешь к нам.

К нам.

К нему, и его любовнице, которая скоро, возможно, станет женой.

Видеть рядом с отцом кого-то кроме мамы – каково это? И эта женщина, я видела ее пару раз, она не показалась мне стервой, но я знаю, что с папой они давно вместе. Она связалась с несвободным мужчиной, отпускала его к жене, к дочери. Знала, что они с мамой спят в одной кровати, и терпеливо ждала моего совершеннолетия.

Как и мамин друг.

Грязь какая.

Я бы ни за что не связалась с занятым человеком. Есть жена, есть невеста или подруга, значит – табу!

– Маша?

– Потом поговорим, – выдавила я, чтобы не ругаться с ним.

Хотя точно знаю – не перееду к ним. Не хочу изводить отца, его любовницу – пусть живут. А я буду иногда встречаться с папой в кафе. Даже хорошо, что я приехала, а их нет. Я бы не сдержалась, наругала, и никому бы от этого не стало хорошо.

– Ты себя хорошо ведешь, надеюсь? – вдруг спросил папа.

– А что, Антон нажаловался?

– Маша...

– Я была лапочкой. Честно, почти ангелочек, – перебила я, стараясь не выдать себя голосом.

– Смотри мне! Я знаю, какой ты можешь быть, и не хочу краснеть за тебя перед другом. Поживешь у него, глядишь, и научишься чему-то полезному у него. И у его невесты. Леночка – замечательная девушка, умеет вести себя в обществе, и возьмет тебя под...

– Что? – снова перебила я папу.

Сердце застучало чуть быстрее, а между лопаток собрался колючий комочек. Неприятный.

– Я говорю, что Леночка возьмет над тобой шефство. Если вы подружитесь, конечно.

– Что за Леночка?

– Невеста Антона, я же сказал, – рявкнул папа, раздраженный тем, что я туплю.

Невеста.

Леночка.

Я сжала ладонь в кулак. И почему меня это так бесит? Я абсолютно точно не влюбилась, потому что это чувство я уже проходила, и знаю его – волнение, романтические бредни, и прочее. Тут что-то другое.

Но черт возьми, почему ж так неприятно от наличия этой самой Леночки-то?!

– Прямо невеста?

– Да, – рыкнул папа. – Маша, завтра наберу, ты странная. Дуй домой, а мне пора. Целую. Звонок оборвался, я застыла с телефоном в руке – растерянная, и немного униженная.

Сейчас нужно ехать к Антону, собираться, а потом в клуб. А мне ничего не хочется. Тем более, ехать к нему.

– Маш? – Инга все еще рядом, ждет меня, чтобы вместе выйти на улицу. – Ты в порядке? Родители лютуют?

– Да, – хрипло подтвердила я. – Слушай, а можно у тебя до клуба переждать? И... одолжишь мне какие-нибудь шмотки и косметику?

– Это я с радостью, – потеряла руки Инга. – Идем, скорее, сейчас аудиторию закроют.

– Сейчас.

«Планы поменялись, можешь не заезжать за мной. Приду завтра вечером, сейчас у меня планы» – написала я Антону, поставила телефон на беззвучный, и пошла за своей новой подругой.

– Закажи себе тоже, – Инга повертела передо мной бокалом с шипуской, и я покачала головой – не люблю все это. – Кстати, тебе офигенно идет. Все мужики твои.

– Нафиг мне все мужики? – фыркнула я.

Выгляжу я и правда – супер. Желтое платье-комбинация, расшитое пайетками мне, на удивление, подошло. Хотя раньше все желтое делало мой вид болезненным из-за подтона кожи.

А сейчас все хорошо. Я танцую, на меня бросают заинтересованные взгляды, которые и льстят, и пугают немного. Рядом ребята, от которых я стараюсь не отходить далеко. Однажды отошла уже от своей компании, еще в Тюмени, и... нет уж, лучше не вспоминать.

– Идем, – потянула Ингу, она со смехом прыгнула с барного стула, и мы пошли в толпу.

– Ну ты и неугомонная, – проорала она мне в ухо. – Всю ночь можешь танцевать, да?

Я рассмеялась, и кивнула.

Хотя устала я – жуть. Если днем и вечером я была бодрячком, то к ночи болезнь снова дала о себе знать слабостью и сонностью. Если сяду – сразу отключусь. Значит нужно танцевать, нужно двигаться. Засыпать в клубе – так себе вариант, беда будет.

Сто раз уже успела пожалеть, что пришла сюда. Не самая лучшая идея – веселиться, когда болеешь.

– Три тридцать, – крикнула Инга мне в ухо. – До шести тусим, потом к кому-нибудь завалимся на хату, и выспимся. Слушай, ну как же хорошо, что я тебя встретила!

Хорошо?

Звучит подозрительно.

– Подруга в академ ушла, родить должна скоро. Только она свалила, и тут ты, – пояснила Инга, раскинула руки, и начала кружиться.

В начале вечера все старались танцевать красиво, принимая позы как в Вог. Сейчас всем плевать. Кто-то танцует для души, кто-то обнимает свою лучшую, или не самую лучшую половинку. Некоторые не танцуют, а покачиваются. А мы вот дурачимся.

Вдруг я почувствовала, как мою талию довольно ощутимо сжали мужские руки.

Первая мысль – Антон.

Вторая – телефон на авиарежиме, он не знает, где я. Да и не пришел бы. Я совершеннолетняя, предупредила, что не приду. Отжигает, наверное, со своей невестой.

– Хай, Стас, – крикнула Инга, и мне удалось повернуться.

– Привет, кнопка, – кивнул он мне. – А ты ничего такая. Ну что, медлячок, чтобы ты заплакала?

Зажигательная музыка как раз сменилась на драматичную, медленную, с бьющими басами.

– Нет, – фыркнула я. – «Ничего такая» не танцует.

– Не принимается, – он потянул меня за ремешок мой сумки.

Да еще и в спину меня подтолкнули прямо в объятия этого Стаса.

– Танцуй, пока молодая, – звонко сказала мне Инга на ухо. – Стас – один из наших мажоров, четвертый курс, отказов не принимает. Давай сумку, я прослежу.

Ну ладно, от одного танца ничего не будет. Я не ханжа, но не очень люблю обниматься с незнакомцами. Пусть даже и в танце. Но с этим...

Я передала клатч Инге, и внимательнее взглянула на парня. Высокий, прямой, как шпала, блондинистый и красивый. С таким и потанцевать можно, лишь бы потом отстал.

– Давай, кнопка, обними меня. Не укушу. Наверное, – он обхватил мою талию, прижал к себе.

Но рука с талии начала сползать ниже.

Убирать не стала, иначе все это превратится в балаган. Я уберу, он снова положит ладонь не туда, куда нужно, и так по кругу.

– Если будешь лапать – расцарапаю лицо, и ты перестанешь быть красавчиком, – сказала я, встав на носочки.

– Значит, я красавчик? А ты – опасная штучка, – ладонь он вернул на мою талию через пару секунд, увидев, что визжать и возмущаться я не собираюсь.

А именно этого Стас и хотел. Или, наоборот, позволения меня лапать, чтобы приятно завершить вечер.

От парня приятно пахнет – дым, ментол, парфюм и что-то чисто мужское, волнующее. Волнующее в меру, слава Богу.

– Как-то слишком ровно бьется твое сердечко от близости со мной, – Стас раскрутил меня, а затем снова прижал. – Вот, теперь все как надо, – довольно хмыкнул. – Как зовут?

– Маша.

– Радость наша.

– Шутки за триста, – закатила я глаза, и Стас довольно хохотнул.

– Мне продолжить в рифму, кнопка?

Думаешь смутить, мажорчик?

– А мне твое имя тоже зарифмовать? Я могу, – вздернула я подбородок, и сверкнула глазами.

– У кого-то слишком длинный язычок. Куда? – он удержал меня, и снова прижал к себе.

– Медлячок закончился, Золушка покидает бал, – попыталась убрать загребушие ладони с моей талии, но добила противоположного – меня буквально вжали в мужское тело.

И это тело реагирует на меня.

Черт!

– Танцуем дальше, я тебя не отпускал. Наслаждайся, кнопка. И не рыпайся – не пушу, – рыкнул Стас.

Не отпустит, да.

Я глазами нашла Ингу, и попыталась показать ей, что меня пора спасать, но она лишь хихикнула. Вряд ли она связно мыслит. Ну вот зачем я сюда пошла? Мне бы в теплую кровать, завернуться в плед, и отдыхать. А не отбиваться от местных придурков.

– Ладно, – сдалась я, поняв, что никто не собирается меня спасать. – Не прижимай меня так сильно, иначе получишь каблуком по самому дороговому.

– Я влюбился, – подмигнул Стас, и позволил чуть отодвинуться.

Этот танец я была напряжена. Следующий дался легче. Тело горит, температура снова разыгрывается, я танцую, уже плевать, кто рядом, и когда можно будет поехать домой. Сама цепляюсь за стоящего напротив парня, мир плывет.

Энергия закончилась внезапно, как свет выключили. Уткнулась лбом в грудь парня, и замерла.

– Поехали ко мне, – Стас провел ладонью по моим волосам. Затем с нажимом по плечам, и ниже, к талии. – Поехали, Маша.

Не хочу никуда ехать, хочу просто лечь в кровать.

Мир снова качнулся, меня вырвали из рук Стаса, и спиной я почувствовала напряженное мужское тело. Сильное. Не разгоряченное танцами, а будто только с улицы.

Сил отбиваться нет. Я повернула голову, и увидела взбешенное лицо Антона.

– Держи, – Инга, пошатываясь, подошла, и вручила мне мой клатч. – Прости-и-и... я это, телефоны перепутала. Врубила, а там входящий, и вот. Ну я это... пошла я.

– Ты че за перец? – выверился Стас, глядя почему-то на меня.

А мне плохо, мне в кровать надо. Или на ручки. Или еще куда-нибудь подальше от всяких альфафачей.

Еще и Антон пугающе молчит. Пусть уже увезет меня, раз приехал. Даже хорошо, что Инга в мой телефон залезла, я уже готова отключиться от температуры и усталости.

– Это мой жених.

– И потому ты со мной так обживалась? Жениха мало? – издевательски скривился Стас. Прекрасно, то есть я – обжималась?!

Антон двинулся вперед, но я повисла на нем. Вот буквально вцепилась, и повисла.

Мужчина внимательно взглянул на меня, кивнул каким-то своим мыслям, развернулся, и потащил меня к выходу.

Не помню, как я одевалась, и сама ли. Очнулась только в машине.

Клуб был душный, на улице – морозец, а в машине снова жара.

– Включи кондей, пожалуйста, – попросила я, чувствуя, как Антон пристегивает меня.

Резко, зло, дергано.

– Хорошая девочка Маша, – услышала я едкое, и машина тронулась.

Я плотнее прижала лоб к холодному стеклу.

– Спасибо, что приехал.

В ответ – тишина.

Уши привыкают к тишине, мне немного легче без воздуха, пропитанного дымом, без басов, бьющих в уши.

Рядом с этим злым мужчиной. Который приехал за мной.

– Маша, у тебя совесть есть? – спокойно спросил Антон.

Я бы сказала – пугающе спокойно.

Лучше бы наорал.

– Я же предупредила, что не приду. Но правда, Антон, спасибо, что приехал, – устало произнесла я. – Понимаешь, я...

– Понимаю. Вижу.

Что-то мне это не нравится.

– Что ты видишь? – заставила себя оторваться от восхитительно-холодного окна, и повернуть к Антону голову.

Лучше бы не поворачивала. Злой как дьявол. Скулы острые, одна рука на руле лежит, и та в кулак сжимается.

– Я вижу малолетку.

– Антон... – задохнулась я, но мужчина перебил.

– Нет уж, слушай, – процедил он. – Ты только начала идти на поправку. Город незнакомый, люди незнакомые. Договаривались, что я заберу тебя? Договаривались, Маша. Вместо этого я получил отписку, что ты вернешься завтра. Я отцу твоему обещал о тебе позаботиться! – рыкнул он. – Телефон вырубил, это так по-взрослому. Я догадался, что ты в клуб заваляешься, начал объезжать ближайшие к университету – клубы и бары. Потом твоя новая подружка, наконец, ответила на мой сотый звонок. Отличное начало, Маша. Так держать!

– Не кричи на меня, – я обняла себя руками.

Обидно. Что я такого сделала?

И куда делся тот добрый мужчина, который днем подвозил меня на учебу?!

– Ты не понимаешь, да? – еще злее спросил Антон.

Черт, я вслух сказала?!

И вообще... вообще, пусть невесте своей высказывает!

– Маша, ты два года жила самостоятельно, но так и не повзрослела.

– Может, хватит меня возрастом попрекать? – не выдержала я. – Мне двадцать, а не пять!

– Так веди себя как взрослая, раз требуешь такого отношения. Ты не в курсе, что может случиться с девчонкой в незнакомом городе ночью? А, Маша? Рассказать тебе?

– Я знаю, – глухо ответила я.

Я правда знаю, что может случиться с девушкой. И не только в незнакомом городе. Даже не ночью – среди бела дня может случиться, совсем рядом с домом. К сожалению, я знаю это очень хорошо.

Вдруг стало стыдно. Хотя, нет. Не вдруг. Стало просто невыносимо стыдно.

Я ведь не планировала вот так срываться, хотела сначала к Антону. Переодеться, предупредить его, на пару часов к ребятам съездить, и домой. Но разозлилась – на себя, на него. И вот.

– Прости, пожалуйста, – искренне попросила я, и рискнула – протянула свою руку, и накрыла мужскую ладонь своей. – Ты из-за меня не спал? Искал?

– Это – десятое дело, Маш. Плевать на сон.

– Знаю. Ты папе обещал, что позаботишься обо мне, – вздохнула я.

– Да, обещал.

Черт, черт, черт!

Папе он обещал!

Невеста есть. И я... малолетка. Для него – малолетка.

Я не влюблена... наверное. Наверное, не влюблена, но пора признать, что нравится мне Антон просто дико. Вот сижу рядом с ним, и колени подрагивают, пальцы поджимаются. И это не от болезни.

У меня семейное это? Папа, будучи женатым, встречался с несвободной женщиной. Мама тоже. Кругом одни любовники.

Я даже думать про Антона не должна!

А я... я вместо этого тихо спросила:

– Ты только из-за обещания папе так на меня разозлился?

Антон молчал минуты две. Я уже думала, что не ответит, и пожалела о своем вопросе. Откинула голову на сидение, и начала уплывать в сон.

– Не только, Маша. К сожалению, не только из-за обещания твоему отцу, – услышала я. Или мне примерещилось.

Глава 4

Сквозь сон я почувствовала, как на лоб опустилась прохладная, чуть шершавая ладонь. Как раньше. Я редко болела, но когда болела – это был ужас на три дня в бреду. И по вечерам папа приходил ко мне, и также проверял лоб.

Нажим на лбу ослаб, я почувствовала, что останусь без этой восхитительной прохлады, и обиженно застонала. Подалась вперед, чтобы продлить прикосновение.

Приятное.

Только запах не как у папы.

Папа пахнет хвоей и летом – знакомый с детства, родной запах.

Этот запах иной. Нотки дыма, лосьон после бритья, и горький парфюм. Горький, но вкусный – такой, что я сглотнула слюну, которой стало слишком много.

– Приехали, Маш, – меня потормошили за плечо.

Я не сплю... вроде. Я даже могу думать, но моментами проваливаюсь в темноту. Понимаю, что мы сидим в машине, что рядом Антон, и надо выйти, но... не могу.

Секундная прохлада, хлопок двери, еще один, его руки на моих плечах, и становится легче дышать – ремень безопасности больше не стягивает.

Я могу дышать, и могу вдыхать этот горький мужской запах, действующий на меня завораживающе.

И странно.

Я как токсикоманка. Встала, покачнулась, но на ногах удержалась. Все, лишь бы и дальше вдыхать, вдыхать, вдыхать...

Антон придержал меня за плечи, и выругался.

– Выпороть бы тебя. Только выздоровела, и понесло, – он обхватил меня за талию, и я с сожалением сделала шаг назад.

– Сама дойду.

Я и правда дошла до детской площадки напротив входа в подъезд, и остановилась – сил снова нет. В двух шагах от меня, рядом с песочницей, лавочка, чуть присыпанная снегом.

Вот до нее я дойду.

Наверное.

– Ох, мать твою. За что мне это? – услышала я, и меня подхватили сильные руки.

Антон прижал меня, и я уткнулась лицом в его шею. Вдохнула запах его парфюма полной грудью, и вцепилась крепче в его плечи. Надо же, несет меня, и не пытит.

В прошлом году я встречалась с Денисом, учившимся на четвертом курсе. И на одной тусовке парни забили на спор, что пробегут километр со своими девчонками на руках. Денис не был хилым, но я через пару шагов почувствовала, что мои пятьдесят кило – не самая легкая ноша.

Думаю, Антон со мной на руках пришел бы к финишу не как замыленная лошадь.

Беда в том, что он бы не стал играть в эти игры... или стал бы?!

Ответом мне стал крепкий шлепок по заднице.

– Ай, – вскинулась я, открыла глаза, и поняла, что мы в лифте. Я по-прежнему на его руках, Антон смотрит строго. – За что?

– За все хорошее. Или, скажешь, не заслужила?

– Ты – абьюзер!

– Даже не представляешь, как ты права, – недобро усмехнулся он.

Я снова закрыла глаза, и прижалась носом к его шее.

Не только его чертов запах на меня воздействует. Даже злой прищур, скупая улыбка – все это тоже.

Кошмар! Нужно парня найти – свободного и одного со мной возраста. Чтобы дурь из головы вылетела.

– Правда, Антон, прости. Я не подумала. Больше я не доставлю тебе проблем, и когда буду уходить на всю ночь – буду предупреждать.

– На всю ночь ты уходить не будешь. Погуляла – хватит, – отрезал он.

Лифт открылся, я поморщилась, и снова на несколько секунд провалилась в горячую темноту.

Чертова температура. И правда, лучше бы я не ходила ни в какой клуб, только хуже все стало!

Сквозь дрему я услышала, как звякнул ключ, дверь открылась, и через пару секунд закрылась.

Я по-прежнему на руках Антона. Бедняга. Пусть ему и не тяжело, но не очень удобно таскать девушку по лифтам и прочей инфраструктуре наших российских муравейников. Неудобно, но он терпит, и не стряхивает меня с рук.

И это греет меня, обволакивает, заставляет чувствовать себя защищенной.

– Вау, – услышала я царапающий голос, – в дрова? Неси ее ко мне, Тох.

– Охренел? – рыкнул Антон. – Спать иди, быстро!

– Сам хочешь, чтобы расплатилась за гостеприимство? Понимаю, – зло прошипел Андрей. – Я так и знал!

– Не ревнуй, мальчик, – пробормотала я, похлопала по плечам Антона, чтобы он спустил меня на пол.

Ноль эффекта.

Я продолжаю висеть на нем, и пачкать обувью стену, в которую упираются мои ступни.

– Приятно вам развлечься. Устанешь от нудного Антона – моя комната не заперта, – выпалил Андрей, развернулся, и через мгновение хлопнул дверью.

– Садись-ка, тусовщица.

Антон опустил меня на тумбу, и начал стягивать с меня обувь. А я расслабилась, взяла, и позволила ему мне помочь.

Есть у меня такая особенность: когда мне плохо, и рядом никого нет, кто помог бы – я справляюсь сама, нахожу силы. Вот не было бы рядом Антона, и я бы не слегла с горячкой. Было бы плохо, но я не позволила бы себе валяться в кровати – убиралась, готовила, хлопотала.

А когда рядом есть кто-то сильный, кому можно довериться, я позволяю себе расклеиться, и побыть слабой. Не специально, я ведь не играю в слабую девочку.

Просто, когда чувствую, что я не одна – позволяю себе слабость. Такую слабость, что разуться сил нет.

– Твой брат – козел, ты в курсе? – усмехнулась я.

– В курсе. Он не полезет к тебе, просто характер показывает. Такой же ребенок, как и ты.

– А вдруг полезет? У тебя даже замков нет на дверях, – вздохнула я. – А у меня даже сил не будет – заорать. Мне и говорить-то сейчас тяжело.

– Да не полезет он к тебе в комнату, Маша! – раздраженно процедил мужчина. – Андрей просто целью задался – меня выбесить. Я бизнесом занимался, а Андрюху от родни к родне перекидывали, как горячую картошку. Мать погибла, отец свою личную жизнь продолжил строить. Я тоже братом не занимался, только недавно к себе его забрал, когда Андрей с отморозками связался. Вот теперь он мне и мстит.

– За что? Благодарен ведь должен быть, – не поняла я.

– Считает, что я поздно спохватился его воспитывать. Ему не очень легко пришлось, – нахмурился Антон. – Мама болела, я знал, что она умрет. Готов был к этому. И к тому, что отец другую найдет, и нами заниматься не будет. Да я уже взрослым был, в общем-то, мне опека не нужна была. И про Андрея я думал, что ему лучше с тетками-бабками расти, которые знают толк в воспитании, а не со мной или отцом. Только они нихера не воспитывали его, а пустили на самотек все, что можно. Кормили его, давали деньги на одежду, и все. Вот и привык пацан, волчонком рос – домой мог неделями не являться. Драки, тусовки, девчонки. Приводы.

В рассказе Антона я чувствую вину. Она неприятно царапает меня, но... Это не отменяет того, что младший братец Антона – то еще чудное создание.

– Не бойся его, Маш. Он хочет, чтобы я оставил его в покое, и сплавил куда подальше. Потому и ведет себя так – хочет показаться хуже, чем он есть. Но Андрей – неплохой парень, не из тех, кто слабых обижает, – мужчина хмыкнул. – Он предпочитает задира́ть тех, кто сильнее.

Вроде все логично, я и сама до конца не верила, что Андрей решит мне гадость сделать. Но..., но все равно тревожно.

– Можно у тебя переночевать сегодня? – спросила, зажмурившись в ожидании отказа.

Глаза закрыты, но чувства-то обострены. Лицо покалывает, коже щекотно от чужого дыхания, будто расстояние между мной и Антоном – миллиметры.

Открыла глаза, и вздрогнула. Мне не показалось. Он очень близко, уперся руками в тумбу, на которой я сижу, и мрачно изучает мое лицо.

– Что?

– Хм, трезвая. Я уж подумал, – Антон отстранился от меня.

– Разумеется, я трезвая! Просто... в общем, можно у тебя переночевать, или нет? – разозлилась я. – Могу на полу лечь.

– Снова за свои игры взялась?

– Ладно, плевать, – отмахнулась я.

Нужно просто убедить себя, что я в безопасности. И вообще, я же могу подпереть дверь стулом, и никто не войдет ко мне, ведь так?! Да и не войдет никто. Антон сказал, и я должна ему верить. Даже если бы Андрей был сволочью – он бы не рискнул лезть ко мне при Антоне.

– Спокойной ночи. И спасибо, что нашел меня, – слабо улыбнулась мужчине, и пошла к себе.

Умоюсь завтра, сейчас просто свалюсь, и посплю. Даже раздеваться не буду. Чертова температура! Так и в замарашку недолго превратиться.

– Так, идем-ка, – мужские руки обхватили меня за талию сзади – не сильно, но направление заставили поменять.

Не к себе в комнату, а к Антону в спальню.

– Вау, меня пригласили в святилище, – не удержалась я от легкой колкости.

– Скорее, в чистилище, – не остался Антон в долгу.

Я огляделась, подошла к кровати и села на нее. Скучная спальня, как и вся квартира, в общем-то. Минимализм во всей красе, никакой индивидуальности, даже милых безделушек нет. Да я даже журналу Плейбой бы обрадовалась – он бы хоть как-то разукрасил унылую обыденность этой спальни, в которой кровать, рабочий стол со стулом, и шкаф.

– Рассказать не хочешь? – Антон, не особо стесняясь, начал раздеваться, открыв шкаф. Я отвернулась. Не чтобы его не смущать, а чтобы самой не краснеть.

– О чем?

– Что такого с тобой случилось, раз ты так испугалась Андрея.

– Я не испугалась!

– Испугалась, Маш. Пыталась отшучиваться, даже надерзила ему, но ты именно что испугалась, – мужчина обошел кровать, присел на корточки напротив меня – уже одетый в свободную серую футболку и домашние штаны. – Расскажешь?

– Да просто, – пожала плечами, нервно сглотив, – придурки разные приставали, вот мне и стремно, что я сейчас слабая, и защититься не смогу. Забей.

– Переодевайся, я пока в душ, – Антон положил мне на колени футболку и штаны, и поднялся во весь рост.

Я расслабилась. Допытываться не станет, не заставит откровенничать и рассказывать то, что никому знать не нужно. Да и вспоминать не хочется.

– Переодевайся, и ложись. Я скоро приду, – повторил мужчина. – И кстати, ни черта я тебе не верю. Что-то случилось с тобой, кукла Маша. Расскажешь, как будешь готова.

Он вышел, тихо прикрыв дверь, а я начала переодеваться.

Да, что-то со мной случилось. Вот только никому и ничего я рассказывать не стану. Даже Антону.

Тем более Антону!

Свалилась на кровать поверх одеяла.

Мне плохо, но я улыбаюсь. Мне плохо и чертовски хорошо – впервые такое.

«Невеста» – напомнила я себе, и улыбка сползла с губ. Даже думать нельзя про занятого мужчину, но... хмм, а вдруг папа сгустил краски? Вдруг эта самая Леночка всего лишь хочет быть невестой?

Я вот тоже много чего хочу.

Может, она даже не девушка Антона.

– Может, скорую? – услышала я вопрос, заданный мрачным голосом.

В нос ударил до одури приятный запах. Этот гель для душа я знаю – мужская спортивная, сама себе такой брала, а не цветочный. От Антона им пахнет. И еще чем-то своим.

Хочется мурлыкать, как кошке, подсевшей на валерьянку.

– Маш, давай под одеяло, – Антон подхватил меня под лопатки, приподнял, и через пару секунд на мое тело опустилось легкое одеяло, а на лоб – ладонь.

– Спасибо. И скорую не нужно, – пробормотала.

– Если утром лучше не станет – вызову.

Слежу за мужчиной, полуприкрыв глаза. Волосы влажные, на майке несколько мокрых пятен. Стоит напротив кровати и с сомнением смотрит на нее.

Вот я лежу, а у меня ноги поджимаются – еще одна загадка века, как такое возможно.

– Прости, маленькая, на полу я не лягу. Староват для подобного, – хмыкнул Антон, и лег на другой конец кровати, подальше от меня.

Укрылся, и лежит, как ни в чем не бывало.

И дышит ровно, а я тут с ума схожу. Все же, мужчина рядом, на одной кровати со мной. Волнительно до приятной жути, а ему хоть бы хны.

– Антон, спишь?

– Нет.

Нужно как-то спросить про невесту. Только как?!

– Расскажи что-нибудь, пожалуйста.

– Тебе спать надо, Маша, а не болтать. Закрой глаза, и через пару секунд улетишь в сон.

– Не хочу спать, – зевнула я. – Расскажи мне что-нибудь интересное!

– Ты привыкла под сказки засыпать? – хмыкнул он, чем здорово разозлил.

Весь сон слетел. Сказки, блин!

Хватит уже меня ребенком считать!

– Тебе напомнить, сколько именно мне лет? Или показать, что я уже давно взрослая? – я не скрывала недовольства.

– Сегодня я уже видел, какая ты «взрослая», – пробормотал мужчина. – если бы не увел тебя, ночь бы тоже закончилась по-взрослому. Спи, Маша.

– Это Стас был, и мы просто танцевали, – заспорила я. – Хотя... я ему понравилась.

Антон открыл глаза, и повернулся набок, лицом ко мне. Выглядит недовольно, и меня щекочет изнутри радость – ему не понравилось то, что я сказала.

«Или ему не нравится то, что я к нему пристаю с глупостями» – пришла в голову неприятная мысль.

– Ты красивая девушка, и многим будешь нравиться. Но не советую распыляться на всех подряд. Иначе определенное клеймо поставят, – жестко произнес он, глядя мне прямо в глаза.

Черт, разговор куда-то не туда сворачивает!

– Не поставят, – проворчала я. – Кстати, а твоя невеста не оттаскает меня за волосы за то, что мы спали в одной постели? – не удержалась я.

И с замиранием сердца стала ждать ответ. Сердце именно что замерло, кончики пальцев начало покалывать от нервов. Я так даже результаты ЕГЭ не ждала, как ответ Антона, который он не особо торопится давать.

Заснул?!

– Не оттаскает, – коротко ответил он.

Блин, это не ответ. Так есть эта невеста, или ее нет?!

– Мне папа так расхваливал твою невесту. Сказал, что она может многому меня научить, – продолжила я наседавать на Антона, чувствуя неясное беспокойство – не привыкла я навязываться.

И даже не знаю, стоит ли, и нужно ли это делать.

Папа меня убьет, если узнает. Или не убьет, но мозг точно вынесет.

А Антон молчит. Пнуть его, может?

– Какая она – твоя невеста?

– Лена пока не невеста, – ровно произнес он, и я чуть не захлопала в ладоши. – Но скоро ею станет, – добавил он, и я сжала ладони в кулаки. – На днях познакомлю вас, если хочешь. Лена в командировке, приедет через три дня. И да, она в курсе, что ты у меня живешь, и совсем не против. А теперь спи.

Как тут уснуть? Сердце колотится как бешеное.

Лена – не невеста, и это отлично. Плохо то, что Антон собирается сделать ей предложение. Еще и отношения такие доверительные... бесит! Доверие – это отлично, конечно, но я бы не одобрила, если бы с моим почти-женихом жила какая-то посторонняя девица. Плюнула бы на всякие командировки, и приехала бы, чтобы выставить гостью.

А она не против. Может, она дура? А зачем Антону дура? Правильно, незачем.

Или... или меня ребенком Антон представил? «Взял маленькую дочурку друга на передержку. Любимая, она совсем еще дитя» – представила я слова Антона этой Леночке, и чуть не зарычала.

Но она ведь не невеста пока. Может, и не станет ею? Мне нужно только понять, что я сама чувствую, и стоит ли влезать. В пятнадцать я бы однозначно ответила: да, стоит. А сейчас нужно подумать, это ведь не игрушки.

Да и не факт, что получится влезть. Может, Антон эту Леночку до одури любит, и плевать хотел на остальных.

Эта мысль привела меня в бешенство, и окончательно «выключила» до самого утра. Проснулась я одна, Антона нет.

Как и температуры и плохого самочувствия. Вот что творит ночь в одной постели с мужчиной!

– Пора вставать, – пропела я, пригладила волосы, и поморщилась: – Скорее в душ.

Я выскользнула из спальни. Пахнет жареными колбасками и кофе. Наверное, Антон завтрак приготовил.

– ... очень соскучилась. Хорошо, что командировку сократили, да так удачно еще с рейсом получилось. Не на поезде сюда добиралась, а на самолете. Сиди, я сама, уже почти готов завтрак. Иди, буди Андрея, – услышала я мелодичный голос.

Женский.

Черт, черт, черт!

Я, как загипнотизированная, шла на кухню, хотя не планировала появляться перед Антоном в виде немывтого чучела. Но ноги сами понесли меня на этот голос, и на запахи завтрака, вдруг показавшиеся омерзительными.

– А ты ведь Маша? Та самая? Я Лена, – у окна я увидела блондинку, улыбающуюся голливудски – так, что можно все зубы пересчитать. И чему радуется?! – Надеюсь, мы подружимся. Ты такая милая, только тушь немного осыпалась. И все лицо в хайлайтере. Дорогая, следует смывать макияж перед сном, а то прыщики появятся и черные точки.

Лена улыбнулась мне, и кивнула на коридор, в котором я все еще стою:

– Стоит сходить в душ, наверное. А затем присоединяйся к нам, на тебя я тоже приготовлю, зайка.

Глава 5

АНТОН

– Доброе утро!

Маша не поздоровалась, а выплюнула это. Развернулась, и пошла в душ. Растрепанная и милая, в моей одежде, которая держится на ней на честном слове. И недовольная.

Можно понять.

– Милая девочка, – заметила Лена.

– Милая, – согласился я. – И не стоило так с ней.

– Ничего плохого я ей не сказала, – Лена поставила передо мной чашку с ароматным кофе, и повернулась к плите. – Девочка мне понравилась. Ты правильно сделал, что приютил ее. Одна, город новый, семьи рядом нет, – пожала она плечами, – мало ли что могло случиться. Ты у меня молодец. Солдат ребенка не обидит, так?

Девочка.

Ребенок.

В мыслях я сам Машу именно так и стараюсь называть. Вернее, приучаю себя к мысли о том, что маленькая она, и нехер даже думать в ее сторону. Но Лена-то совсем меня за дурака считает?!

– Значит, командировку сократили. Вдруг. Так?

– Так.

– И внезапно, совершенно случайно ты нашла билет на рейс?

– Конечно, – рассмеялась она, поставив передо мной тарелку.

– И Маша здесь ни при чем?

– Что, думаешь я взревновала и сорвалась к тебе? – Лена села напротив меня. – Думала, ты обо мне лучшего мнения.

Неглупая, красивая, умеет себя правильно подать. И выйти с ней не стыдно. Хороша в постели, не закатывает глаза, когда я предлагаю ей эксперименты, и мозг не выносит – вот какого я мнения про Лену. И именно потому и собираюсь сделать ей предложение, что далеко не секрет ни для кого.

Мои приятели продолжили глядеть в сторону второкурсниц в погоне за молодым мясом. Меня же это никогда не прельщало. Женщина должна быть подругой, а не ребенком, которого нужно контролировать, и за которого нужно ноги переставлять.

А еще женщина должна быть удобной. Как Лена. Никогда она не устраивала мне сцен, никогда не было дебильных «проверок на верность». А сегодня вдруг этот демарш.

– Мог бы быть благодарнее, Антон. Ты ведешь себя так, словно я нападаю. Защищаешься, и защищаешь, – она кивнула на коридор, в котором скрылась Маша. – Это странно. У меня всего лишь сорвалась командировка и я приехала к тебе. Соскучилась, знаешь ли. И зайке твоей ничего плохого не сказала.

– Если не считать пассивной агрессии.

Ну же, давай уже. Сорвись!

Лена поджала губы, и посмотрела на меня в упор.

– А не слишком ли много разговоров про постороннюю девчонку? Может, обо мне поговорим? Не хочешь спросить, как я съездила? Или о себе рассказать, а? Или будем про Машу беседовать?

– Она будет жить у меня не меньше месяца, потому да. Стоит поговорить.

– Ну говори, – кивнула мне Лена.

– Ничего не хочешь спросить? Давай, Лен, хватит строить из себя королеву терпения.

– Хорошо, – она резко поднялась со стула, и снова подошла к плите. – Может, удобнее будет снять девочке квартиру? Я могу заняться этим.

– Денисыч попросил, чтобы Маша жила у меня под присмотром, так что не вариант.

– Разве? – Лена начала разбивать яйца над сковородой, готовя завтрак для Маши.

Вообще, я прекрасно понимаю, что можно снять для Маши квартиру неподалеку. Даже в моем доме сдастся парочка студий, и Иван Денисович бы одобрил подобное.

Отселить Машу было бы правильно и логично. Особенно если вспомнить прошлый вечер, когда я получил ее сообщение, что можно ее не ждать. Вроде и знакомы мало, и ведет она себя как типичная девочка-студентка, но не признавать очевидное я не могу – зацепила.

Зацепила так, что чуть драку в клубе не устроил, когда увидел, как Маша обжимается с каким-то молокососом. Даже имя его запомнил – Стас. Только драк в клубах мне не хватало. И ночевки в одной кровати.

Но не смог отказать ведь.

И чем зацепила-то? Красивая – да, но красивых много. Умная? Не факт.

Чертова химия. Такая, что половину ночи не спал. Тянуло разбудить Машу, и попросить доказать, какая она взрослая.

– Я могу поселить ее у себя. Зачем девочке жить с двумя мужиками? Это как-то неприлично.

– Тебя Маша не знает, Лен. Да и не с самой лучшей стороны ты себя показала, – напомнил я ей про ее «приветствие». – Только не отпирайся, ок? Не первый год на свете живу, и посыл мне ясен.

– Ладно, признаю, не сдержалась. Но меня можно понять!

– Можно. Только спрячь коготки, и Машу не обижай больше.

– Снова защищаешь ее? – зашипела Лена, затем прикрыла глаза, успокаиваясь. – Ладно, черт, прости. Просто я ожидала увидеть одно, а увидела другое. Я подружусь с девочкой, она правда милая. К тому же, она дочка дяди Вани, а это уже много значит. Только...

Лена замолчала.

– Что? – поторопил я ее.

– Тебе не кажется, что она... ну, что она могла в тебя влюбиться? Смотрела на меня как на врага. Как на соперницу, – пояснила Лена.

Я закатил глаза на это.

– Глупости.

– А вот я так не думаю, и ты – глупец, если ничего не понимаешь.

– Я понимаю, что мог понравиться Маше. Ей двадцать лет, в таком возрасте почти все нравятся. Сегодня – я, завтра – молодой преподаватель, послезавтра – голливудский актер. Но не стоит воспринимать это серьезно.

Вспомнить хотя бы самого себя в Машином возрасте. Каждая более-менее симпатичная девчонка вызывала определенные желания, только это ни разу не любовь была. У нас в семье с любовью вообще туго: мать за отца ради денег вышла, отец женился из-за того, что мама забеременела. Как только она заболела, он с чистой совестью свалил в новую семью. У меня самого были лишь одноразовые подружки, затем захотелось чего-то настоящего, и появилась Лена.

Уважение гораздо важнее любви, которая сегодня есть, а завтра ее нет.

..., а еще есть Маша.

Черт, и к чему мне это в голову пришло?!

– Ладно. Я поняла, ты прав, – буркнула Лена, и натянуто улыбнулась. – Я, как и обещала, готовлю завтрак. Садись, давай познакомимся поближе.

Обернулся, и увидел Машу. Больше не хмурится, смотрит и на Лену, и на меня спокойно и ровно. Это почему-то не нравится мне. Никакой реакции, хотя мне бы наоборот радоваться, что дурдом не ожидается.

– Спасибо, я только кофе выпью, а завтрак пусть съест Андрей, – вежливо произнесла девушка, и села за стол, чуть отодвинув стул от меня подальше.

Чтобы не быть рядом.

МАША

В душе я не мылась. Это больше походило на экзекуцию, и как последствие – кожу теперь стягивает. Очень уж яростно я натиралась мочалкой.

А все почему?

Потому что КАКАЯ Я К ЧЕРТУ ЗАЙКА?!

Все время подмывало забить на водные процедуры, выскочить и устроить разнос. Такой, что в пору полицию было бы вызывать. Эта блонди меня унизила, а Антон даже голову не повернул. Даже не поправил ее!

Мужичье и солдафон!

Но хорошо, что я не поддаюсь дури, коей у меня с избытком, и отыгралась на своей несчастной коже. Хоть не опозорилась. А то выбежала бы и разверещалась, как ополоумевшая болонка – стыда бы потом не обралась.

Нет уж! Присмотреться надо, и понять – а имею ли я вообще право? Может, там любовь неземная, а тут я с навязчивыми претензиями.

Вот только жаль я этой Лене не ответила. Обычно-то я бойкая на язык, а тут вдруг язык в одно место засунула, зато сейчас приходят остроумные ответы. Почему не сразу-то?!

– Нет, это мы отложим. И ругаться не будем, – заставила себя улыбнуться раскрасневшемуся отражению в зеркале. – Никакого хамства и агрессии, Маша.

По крайней мере, так долго, как смогу выдержать. Вот он – мой путь самурая.

Из душа я вышла, преисполненная злой радости, которая поутихла, стоило мне увидеть, как Антон уплетает еду, приготовленную Леной. Вот это больше всего обидело. Даже мама вспомнилась и наша семья, какой она была лет десять назад – как мама журила папу за ужины вне дома. Мне это такой глупостью казалось – пусть мужчина ест где хочет, к чему ревновать? К столовой?

А тут просто взбесило, и я все сразу поняла. Ох, права была мама.

Я даже отсела от Антона, и от завтрака отказалась.

«Ничего, с завтрашнего дня готовить буду я. Уж лучше, чем всякие колбаски, завтраки будут» – дала себе мысленную установку.

Стоит воевать за Антона, или не стоит – с этим я разберусь, но раз мне неприятно смотреть как его кормит Лена – он будет есть то, что я приготовила. Да простят меня феминистки.

– Уже успела с мальчиками познакомиться? – улыбнулась мне Лена. – Сейчас молодежь красивее, чем раньше. Выглядят ухоженнее, старше. Иногда смотрю: с виду двухметровый бородатый мужик, а по паспорту – сопляк восемнадцатилетний. Так что, Маша, много у вас симпатичных мальчиков в универе?

Да как-то прошла моя любовь к ровесникам. Теперь я почему-то стала заглядываться на мужчин «тридцать плюс». Вернее, на мужчину.

Хм, может найти Лене симпатичного мальчика, раз она от них в таком восторге, а Антона себе забрать? Ох, язык так и чешется высказаться на эту тему, но вспомнилась установка про вежливость.

– Есть симпатичные, но вчера я всего первый день на учебе была, и не всех разглядела.

– А ты разгляди, Маша. Юность – самое прекрасное время. Нужно встречаться, целоваться, веселиться. Потом повзрослеешь, и не до того будет. Ни тебе, ни твоему мужчине, – рассмеялась Лена, а затем с укором взглянула на Антона.

Он ее взгляд проигнорировал. Сидит, хмурится, выглядит как сыч недовольный.

– Я планирую все успеть. С любимым человеком, – кивнула я Лене.

– И правильно. На кого попало не распыляйся. На всяких первых встречных, на мимолетные увлечения. А то знаешь, в таком возрасте кто угодно может показаться великой любовью, а на самом деле – гормоны бушуют, – с нажимом произнесла женщина.

Я уже перестала понимать, к чему она ведет, но точно ни к чему хорошему. Ходи на свидания, не ходи. Встречайся, не встречайся... сама разберусь.

Чтобы не нахамить, я просто кивнула Лене, и продолжила пить омерзительный на вкус кофе.

– А чем ты увлекаешься? – не отставала Лена.

– Бегом. Танцую еще, – пожала плечами.

– Антон вот тоже бегают. Я танцую, но все никак не могу его на аргентинское танго затащить, – вздохнула «почти невеста». – Там пара нужна, мужчин мало, приходится с женщинами танцевать. А мой мужчина, – выделила эти слова Лена, – на это время найти не может.

– Все эти танцы – пожалуйста, но без меня, – отрезал Антон, и Лена уже непритворно обиделась.

Да и я бы на ее месте тоже обиделась. Наверное, будь передо мной не Антон, а какой угодно другой мужчина, я бы к Лене испытывала не неприязнь, а женскую солидарность. Но что имеем, то имеем.

– Так ты бегаешь? – повернула я голову к Антону.

– Ну да.

– Можно с тобой бегать? Я город пока плохо знаю, еще забегу не туда. У меня зимние спортивные с собой, покупать ничего не нужно.

– Пробежка в шесть тридцать утра, Маш, – усмехнулся мужчина.

Я на это лишь глаза закатила. Я и в пять утра бегала – на улицах почти никого, даже машин мало, красота. Еще прохладно с ночи, пахло росой и морозцем вместо вечного городского дыма.

– Меня ранним подъемом не испугать, – подмигнула ему, о чем почти сразу пожалела.

Про Лену я каким-то чудом умудрилась забыть. Стоило с Антоном заговорить, и все – антураж и второстепенные герои неважны, софиты направлены на главного героя.

– Ты ведь болеешь, детка, – напомнила Лена. В голосе доброжелательность, а в глазах ее я явно вижу картинку, как она мечтает откусить мне голову. – Никаких пробежек, нужно ведь восстановиться. Да и всегда лучше тренажерка, я сама хожу, могу абонемент подарить.

– Спасибо, но дорогие подарки я не принимаю, – вежливо отказалась я.

Никто не отнимет у меня пробежки с Антоном. Будем просыпаться, бежать вместе, затем я буду готовить ему завтрак – картинка чудесная, и такая заманчивая, что я лужицей растекаюсь. И никакой Лене отнять это не позволю!

Ох, что ж меня кортит так?

– Конечно, мы можем бегать вместе, – кивнул мне Антон. – Сначала только с врачом посоветуемся, не вредны ли тебе нагрузки, и в каком количестве.

– Я уже выздоровела. Бодр как огурец. Честно, – рассмеялась я.

Лена сузила глаза, губы поджала, и уставилась на Антона. Снова. Вся она – осуждение. Ревнует?

На миг кольнуло. Что я такое творю? У меня ведь перед глазами именно такой пример был – мой папа, радостно свинтивший от мамы к другой. И мама сама недалеко ушла от него. Клялась ведь себе, что никогда и ни за что, и тут пожалуйста – Антон.

Сложно все как-то. И не очень правильно.

– Где Андрей? – зло поинтересовалась Лена. – Я же попросила позвать его к завтраку.

– Он с Булкой гуляет. Скоро явится.

Лена засопела, а я вспомнила что вроде у Антона хаски есть. Но я то болела, то на учебе, то в клубе была, и с собакеном так и не познакомилась.

Впрочем, и Антон, и Булка – легки на помине. Лязгнула входная дверь, и я услышала довольное пыхтение и цокот коготков по полу.

– Куда? А ну стой... стой, кому говорят. Будка, блин, лапы пошли мыть! – рявкнул Андрей.

Булка бешеным метеором понеслась по коридору напрямик к нам на кухню, оставляя на полу грязюку, и бросилась к Антону, который начал со смехом уворачиваться от проявлений собачьей любви.

Следом, с недобрыми намерениями и гневным выражением на лице, притопал Андрей. Он тоже и не подумал разуться, видимо решив, что раз Булка изгвадала все, то и ему можно не париться.

– Булка... о, какие люди, – расплылся паренек в улыбке – язвительной до жути.

И адресована она всем нам. И Лене, и Антону и мне. За то, что к Лене он любовью не пылает, я даже хамство готова простить. Враг моего врага...

– Здравствуй, Андрюша. Мой собаку, и если хочешь, иди к нам завтракать, – в голосе Лены я услышала неприязнь, которую девушка безуспешно попыталась скрыть, но не получилось.

Это и сам Андрей услышал. И отреагировал, как смог.

– Ты бы лучше не завтраками занималась, а ужинами, Ленок. Ты вот завтраком сегодня покормила Тоху, а ужинала его другая. Всю ночь ужинала, – похабно подмигнул он. – Или у вас теперь любовь втроем? Кстати, от завтрака не откажусь.

Глава 6

Андрей высказал это, и повел довольного пса в ванную. Лена поднялась, и сначала растерянно, а затем зло взглянула. Почему-то не на Антона, а на меня.

Резко отвернулась к плите.

Я ожидала крик. Я бы на ее месте... нет, при посторонних я бы скандал не устраивала, но попросила бы Антона выйти, и допрос был бы недетский. Снова совестно стало, вроде и не было ничего, как бы мне ни нравился любой мужчина, я, наверное, еще не в том возрасте, чтобы «ужинать» без обязательств.

– А Булка – это он или она? – растерянно спросила я, наблюдая за порывистыми движениями Лены.

Может, сейчас как накалит сковороду, да как отходит меня ею?!

– Это он. Мальчик, – спокойно ответил Антон.

– А кличка почему девчачья? – возмутилась я.

– Унисекс, Маша, – хохотнул мужчина. – Мы за традиционные ценности. Просто Булка, когда щенком был, жрал как не в себя, больше всего хлеб любил, вечно со стола тырил. Его соседи наши купили для ребенка – тот просил щеночка, ему и подарили. Вот только хаски – тот еще трэш, активные очень, и семейство не справилось с воспитанием. Повесили объявление, что отдадут в хорошие руки.

– А у тебя хорошие руки? – мурлыкнула я тихо.

И взглянула на его руки. Красивые, крупные, с чуть грубоватой кожей на костяшках. Я помню, как Антон вел машину – простое действие, но меня завело. Одна рука на руле, вел спокойно, не вцепляясь в руль. Дико сексуальное зрелище.

Боже, надеюсь, я не дойду до такой степени отчаянья, и не стану на такси разъезжать, и до водителей домогаться?!

– Жаль стало, – пожал плечами мужчина. – В лифте с ними ехал, услышал, что никто не хочет такую обузу брать, и надо бы усыпить, а сыну наврать, что на ферму отвезли. Чтобы не плакал. Вот я и взял. Один ведь жил, а тут щенок – и компания, и мотив не на работе ночевать, а дома. Ответственность.

– Ну да, лучше-то щенка завести, чтобы было к кому домой возвращаться, чем женщину, – услышала я недовольное.

Очень недовольное. Прямо-таки злое.

– Лен, если хочешь что-то сказать, или о чем-то меня спросить – давай выйдем, и поговорим, – предложил Антон.

Удивительно спокойный тон у него. Как у человека с чистой совестью. Вот у меня совесть не такая уж и чистая – мысли-то разные и были, и есть. И перед Леной неудобно, но исчезать с радаров я не собираюсь.

А Антону, значит, спокойно. Потому что я себе напридумывала то, чего нет, и быть не может, наверное.

Черт!

– Обязательно выйдем. Позже. А сейчас у меня вопрос к вам обоим, – Лена развернулась от шкворчащей сковороды к нам, лицо безмятежное, только из глаз молнии. – Про что Андрей говорил? Я правильно поняла, что ночь вы провели вместе?

– Давай не сейчас, – отрезал Антон.

– Я ведь простой вопрос задала. Не нападая, не скандаля. Просто вопрос, дорогой, – Лена улыбнулась, и в этот момент на кухню вошли Андрей с Булкой.

Парень, будто не он устроил всем веселье, достал корм, и насыпал псу в миску его завтрак. Затем отошел к дверному косяку, к которому прислонился, нашел мой взгляд, и весело мне подмигнул.

Вот ведь обаятельная сволочь растет!

– Лен, помнишь я как-то говорил тебе про доверие? – Антон отложил телефон. – Оно не подразумевает idiotских вопросов при всех. Даже наедине лучше подумать, прежде чем спрашивать. Доверие, помнишь?

– Помню. И я доверяю, – поморщилась она. – Но свой вопрос idiotским не считаю.

– Что за вопрос? – встрял Андрей.

– На ту тему, которую ты нам подкинул, мальчик, – слово «мальчик» заметно покорило Андрея, и он улыбнулся еще шире. – Про ужины, ночи и прочие мероприятия.

– Да спали они вместе, чего непонятного, – хмыкнул парень. – Я Машке предложил себя, а она брата выбрала. Бывает. Утешусь как-нибудь, поплакав в подушку. А ты, Лен, не злись. Лучше готовь завтрак, и доверяй дальше.

– А может, ты заткнешься, братец? – оскалился Антон.

– У нас же тут коллективное доверие. Мне ты тоже про него пел, а сам, – яростно сузил глаза парень, и я поняла – что-то не то между братьями случилось. – Но если я какую-то тайну выдал, то прости. Каюсь, я – трепло, живи с этим.

– Доверие, да? – Лена вздернула подбородок, отвернулась к плите, и буквально через пару секунд шумно поставила перед Андреем тарелку с мерзкой яичницей и гадкими колбасками.

– Потом поговорим, – снова отмахнулся Антон.

Доверие. Красивое слово. Сколько раз я от подруг слышала про то, что парни им втирали про то, что, если любишь – доверяй. На словах-то все шикарно, но с фига ли? Не себе-то всегда можно доверять, а тут – другому человеку возьми, доверься, а потом снимай с ушей лапшу. Наверное, полностью доверять можно только тому мужчине, с которым золотую свадьбу отметила, и точно знаешь, что никуда он не денется, так как с костылями и ревматизмом не сильно-то и погуляешь.

Лена, видимо, согласна с моими мыслями. Вижу, как ее выворачивает, а сказать ничего не может. Ну вытащила бы Антона из-за стола, вывела из квартиры, и устроила бы разнос. А она... странная какая-то, еще и улыбаться пытается.

Все же, неплохая она, хоть и меня обхамила сначала. Наверное, мне выгоднее их рассорить, намекнуть на горячую ночь, или сделать загадочный вид. Я в кино такое видела, но мерзко это и нечестно.

– Может, ты скажешь мне, а, Маша? – кивнула мне женщина.

Я растерянно взглянула на Антона, и тот закатил глаза.

– Не приставай к ней. Я же сказал, потом...

– Я в клубе была, – перебила я его. – Мне плохо стало. Очень. Зря пошла, до конца не вылечившись, и вот, Антон меня забрал. Домой пришли – я не в себе была, и тут Андрей со своими намеками на веселую ночь с большой и чистой любовью. Я испугалась, попросилась к Антону. Он не хотел меня у себя оставлять, но я вообще никакая была. Мы просто спали, вот и все. И...

– Довольно, Маш, – мягко остановил меня Антон. – Лена, я ведь просил не за столом это обсуждать. Можно было потерпеть минут десять. Если еще есть вопросы – я отвечу, как буду домой тебя подвозить. А затем мы поговорим и с тобой, – Антон перевел тяжелый взгляд на весело жующего младшего брата. – Слишком много я стал тебе позволять, сам виноват. А теперь, может, позавтракаем в тишине?

Лена виновато взглянула на Антона, опустила глаза, и кивнула.

Блин, ну ведь хорошая она. Терпеливая. Может, мне вообще показалось, что она меня унижить пыталась, я умею себя накручивать. Антона любит вон как, я бы так не смогла – мудро молчать, кивать и улыбаться. А Антон... черт, он мне отца напоминает своей твердолобостью.

Точно солдафон.

Я-то сама смогу такое терпеть?!

И Лена... стало еще неудобнее перед этой женщиной.

Пока все доедали завтрак, а я допивала вторую чашку кофе, Антон что-то строчил в телефоне. Затем поднялся, и сказал:

– Маша, насчет приема у врача я договорился, нас ждут через час. Собирайся. Лена, – перевел он взгляд на нее, – довезу тебя домой, затем с Машей в больницу. И Андрей, – парень уставился на старшего брата, который едко произнес: – На тебе посуда и полы. Чтобы блестело. Отговорки не принимаются.

Он отдал приказы, и был таков.

Андрей поехал с нами.

Пока мы одевались, он каким-то чудом успел помыть посуду и полы, управился за десять минут. Собрался, и заявил, что прокатится с нами.

Непонятно зачем. Наверное, чтобы нервы мне потрепать.

Вот и получилось, что Антон с Леной сидели впереди, а «деткишки», то есть мы с Андреем – на задних сидениях. А сейчас мы вообще наедине, ждем пока Антон поговорит с Леной.

Они вошли в ее дом, и их уже минут пять нет.

А мне это дико не нравится! Чем они там занимаются? Они же там не... или... черт бы их взял! Обоих!

– Что, Машуленция, ревнуешь? – Андрей оторвался от телефона – почему-то в хлам убитого, далеко не новенького мажорского смартфона, а видавшего виды, года и поколения.

В общем, у него не смартфон, а ужас. Еще и трещина через весь экран.

– Машуленция? – переспросила я в надежде, что мне послышалось, как он испоганил мое имя.

Андрей нагло рассмеялся.

– Тебе идет. Так и буду звать – Машуленцией.

– А я тебя, – я задохнулась, пытаясь придумать что-то остроумное, но на ум пришло лишь: – адронным коллайдером буду звать!

– Адронный коллайдер – это ускоритель частиц, да? – хмыкнул парень. – Большой, мощный, уникальный. Хм, мне нравится, Машуленция. Одобряю.

Я зарычала.

Это я славлюсь острым языком, а тут какой-то парнишка на два года меня младше мои лавры забирает! Еще и ухохатывается, глядя на меня.

– Мелкий гаденыш, – сузила я глаза.

– Всего на два года тебя младше, о взрослая и многомудрая, – подмигнул Андрей.

И вдруг приобнял меня за плечи. Не как девушку, а... не знаю, как подругу, которую захотел поддержать.

– Успокойся. Говорят они. Антон не любит, когда с ним спорят, и когда мозг выносят. Так что никакой романтики и мятых простыней, так что можешь не ревновать, – он легонько потряс меня за плечи, а затем просто положил свою тяжеленную руку на меня.

– Я не ревновала.

– Ну да, – закатил он глаза.

Я с подозрением покосилась на Андрея, и вспыхнула. Так вот зачем он с нами поехал – чтобы меня от глупостей удержать. И про «Машуленцию» речь завел, чтобы меня отвлечь.

Наверное.

– Что, так заметно? – сдулась я.

– Мне – да, потому что я смотрел. Ленка тоже, наверное, заметила. А Антон слишком тугодумный для этих мелочей.

– Антон не тупой, – я пихнула Андрея в бок локтем.

– В чем-то он тупица, Машуленция... эй, не дерись, – захохотал он, когда я отреагировала на «Машуленцию». – Ладно, остынь. Мой брат – светоч разума и все такое, хоть и тугодум. Антоха – любитель всего простого. Вот та же Ленка – познакомились, она сама себя предложила, он взвесил, и они вполне приятно проводили время. Он не из тех, кто бежит за девчонкой, пытается понять, о чем она думает, на что обижается и почему ревнует. Потому лучше оставь все это. Я серьезно.

Взглянула на Андрея, он и правда серьезно говорит. Пожалуй, впервые за наше короткое знакомство.

– То есть, если я хочу... ну ты понял, – смутилась я, – мне нужно по примеру Лены предложить Антону себя, да?

– Угу. Его стиль. Либо Антон сам предлагает, либо ему предлагают. Затем он выставляет условия, главное из которых – не отсвечивать. Он содержит, помогает с карьерой, если она нужна, а ты молчишь, улыбаешься и машешь. Ну и ноги раздвигает, – просто ответил парень. – Антохе надоело перебирать, он решил, что возраст подгребают, потому на Ленке скоро женится. Прагматичный до мерзости у меня братец. Так что даже если ты предложишь Антону себя, и ленточкой перевяжешь – не факт, что он согласится. Хотя его от тебя ведет, это и я и Ленка заметили, вот она и взбесилась.

Кошмар!

Я же Антона вроде изучила, он не такой хладнокровный, а совсем наоборот. Но выясняется, что женщина ему нужна, чтобы напряжение сбрасывать, и только. Вернее, не только. Еще, потому что «пора». Семью заводить, детей. А любовь? И Лена на такое согласилась?

А я? Я бы согласилась на такое? Быть просто любовницей, выполнять какие-то там условия – не ревновать, помалкивать, быть милашкой, а за это получать ништяки и призрачную надежду на колечко?

Однозначно, нет.

– Дошло?

– А зачем ты мне это рассказал? – нахмурилась я.

– Чтобы иллюзий не было. Характер у Антона – д*рьмо полное, гаже только у меня. Но знаешь, Маш, ты мне нравишься. Ленка вроде тоже норм, но скучная до одури. Я представляю, какие у них дети будут – такие же мелкие зануды. Я таких племянников не хочу, – хмыкнул Андрей. – Вот я и рассказал тебе все, как есть. Сейчас ты либо плюнешь на Антоху, и правильно в общем-то сделаешь. Либо...

Андрей не договорил, и подмигнул мне.

Либо плюнуть на Антона, либо принять его условия и попытаться убедить его, что я смогу занять место Лены, что уже звучит мерзко. Либо... либо, если Антон мне и правда нужен, мне предстоит доказать, что можно и по-нормальному. Без условий.

Дверь подъезда открылась, вышел Антон, и направился к машине. Красивый, хладнокровный. По лицу ничего не понять – целовались они там или ругались, выражение лица нечитаемое.

Он слишком взрослый. Он занят, у него свои установки, свои правила. Мне всего двадцать, и, наверное, лучше не лезть. Но именно в этот момент я окончательно поняла – это мой мужчина. Просто мой, и все тут.

– Спасибо, – я улыбнулась Андрею.

Он убрал руку с моих плеч, внимательно взглянул на меня, и усмехнулся.

– Я помогу, должна будешь.

Умный у Антона брат, хоть и гад. Догадался ведь, какое я приняла решение. И поможет. А я, так и быть, отблагодарю его.

Глава 7

На учебу я не пошла, окончательно превращаясь в прогульщицу. Но сегодня лучше и правда отдохнуть, как и в выходные, а с понедельника – с новыми силами.

Андрей так и не сказал, в чем будет заключаться его помощь, а я думала, что делать мне.

В фильмах я видела разное. И все, что я вспоминала про «борьбу за личное счастье» мне ой как не нравилось. Распускать про Лену сплетни, влезать в телефон Антона и творить всякие гадости я не готова. Не факт, что у меня что-то выйдет, да и отвратительно это. Как себя потом уважать?!

Может, просто побыть рядом с Антоном, и пусть сам решает? Так он уже решил. На Лене вон скоро женится. И меня это решение не устраивает.

Можно, пока есть время, показывать ему, какая я добрая и милая. Краситься с утра пораньше, прически делать, и крутиться вокруг него. Но, опять же, не факт, что оценит, да и я долго не смогу быть доброй и милой.

– Ну и что делать? – мрачновато спросила я у самой себя.

Дома я одна. Андрей, как пай-мальчик, на учебе. Антон на работе, а я дома. И чувствую себя бесполезной. Решила действовать, не сдаваться, а как действовать – фиг знает. Всю голову сломала. Лена-то выигрывает по всем фронтам. Вон, с утра после самолета приехала, и волосинка к волосинке. Стрелки идеальные, аксессуары подобраны. Завтрак приготовила, опять же.

В животе заурчало. Я ж не завтракала, а скоро время ужина. Вот этим и займусь, все равно ничего придумать не получается. Только сначала с Булкой погуляю.

– Разлучница на минималках, – хмыкнула, и полезла в холодильник.

Лучше жаркое сделаю, салат, и индейку запекую. Это у меня лучше получается, чем стратегия и планирование.

– О, пахнет вкусно, – на кухню вошел вернувшийся с учебы Андрей, жадно втягивая воздух.

– Ты на Булку сейчас похож, – кивнула на крутящегося рядом пса, уже пару часов делающего вид, что он – голодающий сиротка.

– Булка, гулять.

– Я погуляла с ним. Иди руки мыть, а затем посуду, – скомандовала я, и полезла в духовку.

Андрей простонал. То ли от аромата запеченного мяса, то ли от моих указаний, но пошел куда я его и послала – в ванную. И через пару минут вернулся.

– Дай кусочек, Машулёк, – уставился на то, как я посыпаю сыром запеканку. – Я почти ничего не ел сегодня, сейчас в обморок грохнусь.

– Посуда грязная, – намекнула я, и парень со вздохом пошел к раковине. – А за «Машулёк» и «Машуленцию» ты только корм Булки заслужил, но на первый раз прощаю.

– Добрая, – состроил он глазки.

Я вернула противень в духовку, и начала нарезать формовой хлеб.

– Ну что, мне на ночь сваливать? – поинтересовался Андрей.

– Ты у меня спрашиваешь?

– А у кого еще? Ты, Антон, на тебе эти ваши бабские нитки, которые вы бельем называете. Разврат, разломанная кровать, а на утро – Лена, гуд бай, – заржал парень.

Я покраснела, представив, как встречаю Антона в «нитках». Хм, так я делать не буду, но картинка мне понравилась. И против разврата и разломанной кровати я тоже ничего не имею, но лучше кровати ломать в серьезных отношениях. Об этом я и сообщила Андрею.

– И вообще, не знаю я, что делать. Мужчина должен добиваться, а не женщина. Я себя ущербной буду чувствовать, – взяла полотенце, и начала вытирать посуду.

– Вот черт, связался я с малолеткой. На войне, как на войне, Маш. Ну да ладно, добрый дядя Андрей что-нибудь придумает, – заявил парень, и я с подозрением уставилась на него.

Он-то придумает, вот только Лена жива хоть останется?!

Андрей мыл посуду, я вытирала, снова утонув в своих мыслях. Вот что Антон за человек такой? Нет бы увидеть меня, и влюбиться намертво, а затем самому меня добиваться.

– Ничего себе. Маш, ты его пытала? – услышала я за спиной удивленный голос Антона. Он вернулся, а я и не заметила. – Если что, я не против. пытки, угрозы, шантаж – я одобряю, главное, что брат не по гаражам и заборам прыгает, а по дому помогает.

– Это паркур, а не прыжки по гаражам, – Андрей выключил воду, domыв последнюю ложку, которую торжественно вручил мне – вытирать.

– Да мне плевать, как это называется, – закатил Антон глаза, и жадно принялся. – Черт, пахнет как вкусно!

Я приосанилась, и довольно улыбнулась.

Вот подругам моим жаль времени на готовку. Мол, возни на несколько часов, и все быстро съедается – пустая трата времени, и лучше доставку заказать. А я считаю, что мужчину лучше домашним кормить – и ему приятно, и самой радость.

– Я сейчас накрывать на стол буду, садись, – кивнула я на стул у окна.

– Нет, я на пару минут, бумаги оставить. Вечер и половину ночи я буду занят, – заявил Антон.

Мне это не понравилось. А еще больше не понравилось то, что я услышала дальше.

– С Ленкой будешь занят? – спросил Андрей.

– Не твое дело, малёк.

Я отвернулась к плите. Значит, с ней, и явно не за ручку они гулять будут. Черт, черт, черт. Сейчас же самое время что-то предпринять. Грохнуть, ногу подвернуть, или еще что-то. Заставить Антона остаться. Вот только я не могу. Хочу действовать, хочу бороться, а не могу – мужчина сам должен.

Ну и пусть уходит, держать не буду!

– Ты лучше не на половину ночи, а на всю ночь свали, – мурлыкнул Андрей. – Мы с Машей найдем, чем заняться. Иди, брат, иди.

– В смысле? – недовольный вопрос Антона заставил меня обернуться.

Он буравит взглядом то меня, то Андрея, то снова меня. Как на допросе. Света лампы в глаза только не хватает.

– Да в прямом, Тоха. Поладили мы с Машей, видишь? Че, думаешь я ради левой бабы стал бы посуду тереть? – хохотнул Андрей. – В общем, вали уже в кроватку к Ленке, и не парься. У нас с Машей все по согласию. Сейчас поужинаем, и...

Андрей не договорил, подмигнул мрачному Антону, и подошел к кофеварке.

Я хотела заспорить, что ничего у нас с Андреем быть не может, но... хм, вот еще! Потому я мило улыбнулась, пожала плечиком, и достала две тарелки. Ужинать пора.

Антон сузил глаза, а Андрей, отойдя от кофеварки, подошел ко мне. И обнял. А у меня в руках, на минуточку, нож.

– И когда вы успели поладить, могу я поинтересоваться? – Антон сложил мускулистые руки на груди.

Я хотела уже прекратить балаган. В отношения, основанные на ревности и чувстве собственности я не верила никогда. Конечно, приятно, когда в меру ревнуют, но стоит ли начинать с этого?

Пусть идет к Лене, я переживу. Это даже не измена, у нас нет ничего. И, может, даже и не будет, но я бы хотела, чтобы было. Ничего, руки я не опущу, и не сдамся.

И я бы действительно объяснила Антону, что это просто шутка – я и его младший брат, но он все испортил.

Как, впрочем, и любят делать мужчины.

– У меня не дом свиданий, я твоему отцу обещал присматривать о тебе и заботиться, а не вытаскивать из-под одного мужика, и подкладывать под другого, – жестко добавил Антон.

Прям выплюнул.

Это из-под кого он меня вытаскивал? Из-под Стаса? А подкладывает под кого?

Я сжала кулаки. Кажется, сейчас я перестану быть доброй и милой – мечтой любого мужика, и просто выскажусь от души. А что? Это я умею, от отца и других солдатиков таких выражансов нахваталась – у Антона уши в трубочку свернутся.

– Брат, не пыли, и девочку мою не обижай. Ну да, поладили мы, пока вы с Ленкой перегаивались. А если Махач куда и ляжет, то перед ее батеи я сам отвечу, – легкомысленно отмахнулся Андрей. – Давай, расчехляйся и скачи к Ленке, а мы тут сами. Не мешай, не детки уже. По крайней мере, я – давно.

Махач? Я теперь Махач?

Р-р-р-р, что-то меня оба эти брата бесят!

Антон глубоко вдохнул, выдохнул, и взглянул на меня. Прямо в глаза. И это про него Андрей говорил, что он хладнокровный и чуть ли не робот? В глазах бешенство плещется высокими волнами, чуть ли не проливается на меня.

И мне это чер-р-ртовски нравится. Чисто по-женски.

– Маша, ты же не станешь совершать глупости? – глухим от ярости голосом поинтересовался Антон.

– Глупости? Нет, не стану, – мило улыбнулась я ему.

– А разница в возрасте тебя не смущает? Андрюхе восемнадцать только исполнилось, тебе двадцать, – он приподнял бровь, и я весьма артистично ахнула. Даже ладошки к щекам прижала в показном ужасе.

– Целых два года? Кошмар и ужас... А если серьезно, то нет, не смущает. Меня никакая разница в возрасте не смущает, – с нажимом произнесла я.

Хм, ну не любая, конечно, а в рамках законодательства, но я не сильно против истины погрешила.

– Андрей, – Антон сузил глаза, уставившись на младшего дурного брата, и тот махнул рукой.

– Иди уже. Мы в трезвом уме и твердой памяти оба. Тебе романтику не портим, и ты нам не мешай.

Антон весь напряжен, как перед прыжком. Застыл, не двигается, только ноздри гневно раздуваются. Я даже к Андрею прижалась, в ответ его приобняла, а то очень уж не по себе стало. У Андрея спина подрагивает. Взглянула на парня – нет, не от страха, он еле смех сдерживает.

Ужас. Где я вообще поселилась?!

– Делайте что хотите, – наконец бросил Антон, развернулся, и вышел из кухни.

Мы с Андреем чуть разъединились, но так и продолжили стоять, пока не хлопнула входная дверь.

Значит, уехал все же. К Лене. Кажется, я уверяла себя, что это не измена, и я не собираюсь с ума сходить. Вроде бы здравые мысли, но как только дверь захлопнулась – больно стало просто невыносимо. Горячей, жгучей, острой болью, которая кольцом сжала меня в своих объятиях – так, что в глазах потемнело.

– Баран, – емко высказался Андрей. – Машулёк, давай пожрем. Че, зря я посуду драил? Голос не расстроенный. Как обычно Андрей – веселая язва.

– Д-давай, – а вот мой голос дрожит, как и руки, которыми я двигаю по столу тарелки.

– Эй, не расстраивайся. Ну покувыркается, так домой все равно вернется. Мужикам надо иногда... ну, сама понимаешь. Природа такая, – Андрей говорил смущенно, и успевал наполнять наши тарелки. – А потом, как ты его окончательно обработаешь, у тебя повод будет ему мозг повыносить. Все, как вы, телки, любите.

– Фиговая шутка, – приглушенно парировала я.

– Согласен, облажался. Но ты все равно не кисни. Вон, поляна какая накрыта, а у тебя любовь-морковь в башке... пффф! Получишь ты Тоху, не парься, он впервые на меня смотрел не как на непутевого младшего брата, а как на врага. Чуть не въе... не врезал мне, – Андрей поставил передо мной тарелку, а еды там на нескольких мужиков бы хватило.

Еще и хлебушек на салфетку опустил рядом со мной, а затем по руке погладил. Надо же, утешить пытается.

– Ты прав, – я расправила плечи, и заставила себя улыбнуться. – Не буду раскисать!

– Наш человек! – пробубнил Андрей с набитым ртом. – В общем, план такой: сейчас поедем, потом я еще раз поем, и еще раз. Потом пойдем погуляем, я тебе город покажу. У нас офигенные места есть в Екб, хоть и не столица. В киношку завалимся на ночной сеанс, можем к друзьям моим заскочить... в общем, развлеку и отвлеку по высшему разряду, – парень ухмыльнулся. – Кстати, если Тоху разлюбишь – я готов.

– Что ты готов? – с подозрением спросила я.

– Встречаться. Готовишь ты шикарно, – Андрей замурлыкал как большой котяра, и подмигнул мне. – А я люблю поесть.

Я не выдержала, и рассмеялась вполне искренне. Сначала Андрей мне полным психом показался, а сейчас – милота. Хотя я вижу, что сдерживает он свой характер при мне, и словечки рвутся непечатные, но тоже фильтрует. Шутит, отвлекает. Эх, вот почему я на него не повелась-то? Тоже ведь красавчик, с виду не малолетка, выглядит старше меня. А мне Антона подавай...

Я вздохнула, и закусила щеку, разозлившись на саму себя. Ревнивица, блин!

Антон нам с Андреем разрешил делать что угодно, вот и я ему мысленно должна это разрешить. И простить. И пожелать... самой поганой ночи на свете! Да!

Андрей насторожился, мне показалось, что он даже носом повел по-охотничьи, а затем ухмыльнулся, и откинулся на спинку стула. Одновременно с этим я услышала, как резко открылась дверь. С тяжелым стуком упали ботинки, и раздались шаги.

– Антон, – одними губами произнес Андрей. И напомнил: – Должна будешь, Маха. Дофига должна!

– Свидание отменяется, – рявкнул Антон, когда вошел на кухню.

Подозрительно осмотрел нас – не обнимающихся, и сидящих друг от друга на целомудренном расстоянии, сел между мной и Андреем, и скомандовал:

– Сейчас поужинаем. Маш, организуй, – нагло кивнул он мне. – Затем съездим в вашу квартиру, посмотрим, как ремонт продвигается. Потом...

– Я Маше город обещал показать, – возмутился Андрей.

– Я покажу, – надавил Антон голосом. – Сам.

Я еле сдержала улыбку. Счастье пропитало меня насквозь, и плевать на грубый тон Антона. И на его команды «принеси-подай» – это еще больше остроты добавило. Хотя раньше мужланов не любила, но Антону идет.

Не уехал к Лене, вернулся...

... ко мне.

– С чего это ты сам? – возмутился Андрей. – Может, свалишь туда, откуда приехал, а, братэлло? Видишь, тут я, горячая девочка, поляна накрыта и планы есть на ночь. Малину не порти мне, бумер.

Я раздула ноздри, и гневно взглянула на распоясавшегося Андрея, но он даже бровью не повел, гаденыш. Продолжил распалать Антона:

– Слышь...

– Слышу, – рыкнул Антон. – Только не понимаю, что ты несешь. И ты явно нарываешься, – с угрозой добавил он.

– Я ж говорю – бумер, – закатил глаза Андрей. – Приперся, блин, будто я тебе, Машуня, уже тройню сделал. В общем, Тоха, по-братски вали, а!

Я правда хотела есть, почти весь день голодная, но мне не дали. Антон схватил меня за руку, и настойчиво потащил в коридор.

– Дома сиди, мелкий. Остынь, душ прими, мозоль на руке obnovи. А куда не надо руки не тяни, – рявкнул Антон напоследок, силком одел меня – криво и косо, и растерянную и голодную буквально выволок из квартиры.

Вот это робот, вот это хладнокровие! Меня аж проняло.

В машину меня затолкали, я лишь глазами хлопала. И даже ремень безопасности Антон на мне сам застегнул. А затем завел машину, и выехал с паркинга. И все молча, зло, рваными движениями.

– Ты чего такой? – рискнула я спросить минут через пять.

– Помолчи.

Я вспыхнула. Это грубо было и обидно. Раскомандовался, блин! Но обида утихла, когда Антон на секунду обернулся ко мне, и тихо добавил:

– Извини. Сейчас лучше помолчать, иначе я скажу те слова, которые тебе не понравятся. Обижать тебя я не хочу.

Я кивнула, и задумалась.

Антон с Леной давно не виделись, она прилетела, у них свидание было назначено, но Антон сорвался обратно. И все, чтобы нам с Андреем «свидание» сорвать. Ревность ведь? Но тогда к чему эта фраза про слова, которые мне не понравятся? Может, он меня из дома увез не из-за ревности, а потому что... ну, не знаю, считает меня гулящей и не хочет, чтобы я с его братом крутила?

Я побледнела, съежилась и обняла себя руками. Черт, ну почему так сложно-то все? Раньше как все просто было – дернул мальчик за косичку, значит – любовь. Подарил валентинку – серьезные отношения. Пошли вместе на школьную дискотеку – можно примерять его фамилию и тренировать новую подпись. А тут...

– Маша, Андрей – не то, что тебе нужно, – Антон остановил машину у отцовского дома, помог мне выйти и продолжил. Даже за руку взял, ведя в подъезд. – Он неплохой, но проблемный. Даже если захочет нормальным быть – не готов он, не дорос. Обидит. Он не для хороших девочек. Загулы, драки, он когда аттестат получил, весь учительский состав от счастья рыдал, что больше его не увидят. Поганец грозился ЕГЭ не сдать, и навечно у них остаться. И это лишь вершина айсберга. Девчонок у него много, и все... определенного толка, скажем так. Сегодня он тебе комплименты говорит, а завтра свалит из дома в очередной загул, и вернется весь побитый, пропахший дешевыми духами, и обхамит тебя. Брата я люблю, но он не для тебя, Маша, – Антон пытался говорить мягко, когда мы поднимались на наш этаж, но в голосе прорывались недовольные, рычащие нотки.

Андрей не для меня, и я это знаю. Красавчик он, может даже, если объективно смотреть, и покрасивее Антона. Старший – мужественный, фигура божественная, но Андрея хоть сейчас на обложку журнала можно. Не слащавый мальчик, а парень из грешных мыслей, таких в постели представляют. Но для меня всего лишь друг, да и Андрей на меня не как на девушку смотрел.

А вот Антон... плевать на объективность, для меня он самый-самый, черт бы его взял! И это бесит. На остальных я теперь только как на картинки и могу смотреть, не более.

– Я не могу допустить, чтобы ты из-за моего младшенького убивалась, а ты будешь. Я его знаю, – мы вошли в квартиру, пропахшую запахами ремонта и пыли. – Так что завязывайте с вашими ужинами и гулянками, пока не поздно.

– Так ты поэтому вернулся, да? – я не смогла скрыть грусть.

Антон включил свет в коридоре, а я уже шла дальше, мимо ванной, в спальню. Мебели нет, у стен мусор, стекла грязные от извести и пыли, она в воздухе летает, и мне дышать нечем. Никакая у Антона не ревность, всего лишь гадская забота обо мне – хорошей девочке и дочери его друга. А я-то, дурочка, уже обрадовалась, чуть ли там, на кухне, ему на шею не бросилась.

Вот было бы позорище.

– Да, поэтому, – добил меня Антон.

Я отвернулась к окну, вглядываясь в огни ночного города, и услышала шаги за спиной. Антон встал близко ко мне, если я шагну назад – упрусь спиной в его грудь, я даже жар его тела чувствую сквозь верхнюю одежду. Или мне это мерещится... Да, скорее всего мерещится, а жаль. Я люблю придумывать, и сейчас чуть ли не реву от того, что успела нафантазировать.

– Спасибо за заботу, но со своей личной жизнью я разберусь сама, – я старалась говорить вежливо, но получилось колко от обиды, на которую я не имела права, но все равно чувствовала. – Андрей тебе правильно сказал – мы оба взрослые, детей пока не сделали, да и про методы защиты нам еще в школе рассказывали. Но спасибо, что предупредил о том, что меня ждет. Однако я решу сама.

– Сама? – Антон обхватил мои плечи, и заставил меня развернуться. Он нависает надо мной мрачной темной тучей – огромный и злой. – Значит, так. С Андреем будешь только здороваться, и все. Остальное я запрещаю. Никакого близкого общения, никаких свиданий, вообще ничего! Ослушаешься – хуже будет, накажу, уяснила?

– Ты обнаглел? – взвилась я, и попыталась скинуть с себя мужские ладони. – Предупредил, и спасибо, с остальным сама разберусь. Может, я влюбилась до смерти? Может, мне плевать, что твой брат меня кинет, и я просто хочу насладиться тем, что... что ты делаешь?

На последней фразе запал схлынул, волна ярости ушла обратно в море. Антон слушал меня, скулы его заострились, я видела, что он хотел заорать на меня, я даже хотела этого – разругаться с ним вдрызг, и уже поставить для себя хоть какую-то точку. Прекратить это.

Но он вдруг прикоснулся к моей щеке большим пальцем, и на удивление нежно и медленно провел. По щеке, ниже и к уголку губ, огладил нижнюю, полную губу, и я задрожала – снова будто в лихорадке. Губы стали чувствительными, щеки обожгло краской, а сердце начало отплясывать тарантеллу.

– Антон...

– Ты испачкалась. Известь вроде, – хрипло пробормотал он, и я кивнула, чувствуя себя как под гипнозом.

Да, известь, испачкалась. Наверное. А Антон рядом, не отстраняется, прикасается. И эта тишина вокруг нас – гулкая, темная. Я нервно облизнула губы.

– ... – Антон резко выругался, и начал склоняться ко мне. Ближе и ближе, я чувствую его дыхание, между нами уже не сантиметры, а миллиметры.

И я закрыла глаза, готовясь к поцелую – если не поцелует, я его убью!

Глава 8

АНТОН

Тонкая белая полоса на щеке Маши давно стерта, а я все не могу заставить себя отодвинуться от нее. Как мальчишка себя веду, хотя даже тогда так не штырило. В юности другого хотелось – чтобы не ломались, и поменьше нежностей, просто чтобы давали и мозг не делали.

А Маша... черт, красивая такая, нежная. Свет фонарей падает на ее лицо, освещает слабо, драматично. Она глаза закрыла, не дышит почти, чуть дрожит в моих руках. Хочется и поцеловать ее так, как мое тело требует – жестко, впиться в губы, ее дыхание пить. Всю зацеловать, получить ее – доступную, нежную, податливую. Присвоить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.